

БЕЛИНСКИЙ В БОРЬБЕ ЗА НАТУРАЛЬНУЮ ШКОЛУ

Статья Н. Мордовченко

Белинский впервые употребил название «натуральная школа» в мартовской книжке «Отечественных записок» 1846 г., в статье о «Петербургском сборнике» Некрасова. Характеризуя «естественность поэзии Гоголя, ее страшную верность действительности», Белинский писал: «Если и теперь еще существуют литераторы, которые естественность считают великим недостатком в поэзии, а неестественность великим ее достоинством, и новую школу поэзии думают унижить эпитетом „натуральной“, — то понятно, как должно было большинство публики встретить основателя новой школы» (X, 196). В следующей, апрельской, книжке «Отечественных записок» 1846 г., рецензируя «Воспоминания» Ф. Булгарина, Белинский не только принял бранный эпитет, но и наполнил его положительным содержанием. Белинский заявил, что литературную школу, основанную Гоголем, «Булгарин очень основательно прозвал новою натуральною школою, в отличие от старой риторической или не натуральной, т. е. искусственной, другими словами — ложной школы. Этим он прекрасно оценил новую школу и в то же время отдал справедливость старой; — новой школе ничего не остается, как благодарить его за удачно приданный ей эпитет» (X, 337).

Если для Булгарина слово «натуральная» было синонимом антиэстетического, грязного и низменного, то Белинский превратил это слово в положительное понятие и сделал его боевым лозунгом передовой демократической литературы.

В своих критических работах 1846—1847 гг. Белинский формулировал и разъяснял эстетическую программу натуральной школы, защищал ее от нападений врагов.

В статье «Нечто о русской литературе в 1846 году» В. Майков констатировал, что именно в этом году «за современною школою литературы утвердилось самым прочным и самым оригинальным образом лестное для нее название натуральной. Факт этот должен быть тем приятнее для писателей, принадлежащих к этой школе, что название это дано ей газетою, нападающею на современную русскую литературу, образовавшуюся под влиянием Гоголя»¹.

В истории возникновения самого названия «натуральная школа» необходимо сделать одно уточнение. Дело в том, что Булгарин в «Северной пчеле» уверял читателей, будто он назвал новую литературную школу «натуральной» в связи с появлением в свет «Петербургских углов» Некрасова, напечатанных в первой части «Физиологии Петербурга». Это, однако, неверно. Действительно, Булгарин с ожесточением встретил «Петербургские углы» и в течение 1845 г. на страницах «Северной пчелы» неоднократно нападал на «Физиологию Петербурга». При всем том, название «натуральная школа» Булгарин впервые употребил в фельетоне «Се-

верной пчелы» от 26 января 1846 г. (№ 22), написанном в связи с появлением «Петербургского сборника». «Из разбора „Физиологии Петербурга“ читатели наши знают, — писал Булгарин, — что г. Некрасов принадлежит к новой, т. е. натуральной литературной школе, утверждающей, что должно изображать природу без покрова. Мы, напротив, держимся правила, изложенного в книге „Поездка в Ревель“: „Природа только тогда хороша, когда ее вымоют и причешут...“. В этом заявлении Булгарина характерно все — и презрение к новой литературной школе, и демагогическое использование книги декабриста Бестужева-Марлинского, именем которого Булгарин пытался укрепить свои позиции. Очень скоро Булгарину пришлось убедиться, что бранный эпитет, пущенный им в оборот, приобрел положительный смысл и стал лозунгом той самой школы, которую он преследовал. Тогда Булгарину не оставалось ничего другого, как объявить, что он только «в шутку» назвал новую литературную школу «натуральной» и что шутку нельзя принимать «за серьезную вещь и призыв к за существенность».

Театральный рецензент «Северной пчелы» Рафаил Зотов в одном из своих фельетонов высказал следующее недоумение: «Прежде всего мы попросили умного человека, имеющего достаточный авторитет в литературном мире, определить нам ясно и верно: что такое эта новая натуральная школа и какой именно переворот она намерена совершить в современном направлении писателей и читателей. Все называют Гоголя и Лермонтова основателями этой школы, но в чем именно заключаются ее теоретические правила и сущность, никто еще не потрудились изложить приверженцам старой школы»². Булгарин снисходительно ответил Р. Зотову через несколько дней: «Наш почтенный сотрудник принял шутку за серьезную вещь и призыв — за существенность. Никто не изложит, никто не растолкует правил натуральной школы, потому что она не существует! По поводу выхода в свет статьи под заглавием „Петербургские углы“, в которой автор изобразил все, что только кроется за углами противуизящного и отвратительного, хотя бы и существующего в природе, в подражание пестрым картинкам такого же достоинства, находящимся в „Мертвых душах“ Гоголя, „Северная пчела“ в шутку назвала это направление натуральной школою, чтобы каким-нибудь приличным и благородным выражением обозначить стремление подражателей г. Гоголя к отыскиванию в природе противуизящного, в том убеждении, что только то хорошо, что верно списано с природы. Вот вам и полное объяснение того стремления или направления, которое „Северная пчела“ назвала натуральной школою».

Отвечая Р. Зотову, Булгарин счел нужным оговориться, указав на ошибку, которую, по его мнению, сделал фельетонист «Северной пчелы». «Наш почтенный сотрудник, — писал Булгарин, — ошибочно поставил Лермонтова рядом с Гоголем, назвав их основателями натуральной, т. е. противуизящной школы! „Герой нашего времени“ и все пиитические произведения Лермонтова настолько выше „Мертвых душ“, „Тараса Бульбы“ и всех сказок и рассказов г. Гоголя, насколько Евгений Сю, Виктор Гюго, Александр Дюма и Пушкин выше автора „Петербургских углов“, автора „Бедных людей“, автора сказки в стихах „Помещик“ (в „Петербургском сборнике“) и других молодых писателей, не почитающих литературы высоким искусством...»³.

Из этих разъяснений Булгарина можно видеть, как понимал «натуральную школу» один из ее злейших врагов. Из разъяснений Булгарина можно заключить также и об успехах новой школы, которых она достигла к концу 1846 г. Решительно отводя от «натуральной школы» Лермонтова, Бул-

гарин считал Гоголя основателем школы и указывал на имена Некрасова, Достоевского и Тургенева, справедливо связав характер их творчества с гоголевскими традициями и с направлением «Физиологии Петербурга» и «Петербургского сборника». Хотя название «натуральная школа» и появилось лишь в начале 1846 г., зарождение новой школы следует отнести все же к предшествующему 1845 г., когда вышли в свет две части

БЕЛИНСКИЙ

Гравюра Ф. И. Иордана, 1859 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

«Физиологии Петербурга» под редакцией Некрасова. Так полагал это и Белинский. В обзоре «Взгляд на русскую литературу 1847 года» он отметил, что литература в этом году «шла по прежнему пути, которого нельзя назвать ни новым, потому что он успел уже обозначиться, ни старым, потому что слишком недавно открылся для литературы, — именно немного раньше того времени, когда в первый раз было кем-то выговорено слово: „натуральная школа“» (XI, 82).

После выхода из печати первого тома «Мертвых душ» и тех ожесточенных споров, которые вызвала гоголевская поэма, Белинский наблюдал все возрастающее влияние Гоголя на русских писателей. К середине 40-х годов, когда революционно-демократические взгляды Белинского окончательно сформировались, вопрос о значении критики в литературном развитии приобрел для него смысл вопроса о путях и возможностях руководства литературой. Объективно-революционное значение творения Гоголя было несомненно и бесспорно для Белинского, и в своей рецензии на первый том «Мертвых душ» он намекнул на это, поскольку позволяли условия подцензурной печати. Прекрасно отдавая себе отчет в том, что творчество Гоголя служит делу освободительной борьбы, Белинский видел также и то, что Гоголь сознательно не ставил перед собой такой цели. В полемике с К. Аксаковым по поводу «Мертвых душ» Белинский отметил «удивительную силу непосредственного творчества» у Гоголя, но в то же время и подчеркнул, что эта сила «много вредит Гоголю. Она, так сказать, отводит ему глаза от идей и нравственных вопросов, которыми кипит современность, и заставляет его преимущественно устремлять внимание на факты и довольствоваться объективным их изображением» (VII, 441—442).

Проблема соотношения стихийности и сознательности в художественном творчестве является одной из центральных проблем в критической деятельности Белинского 40-х годов. Окончательно отвергнув, как реакционное и ложное, мнение о губительности сознательной мысли для искусства, Белинский вплотную подошел к задаче внесения сознательности в литературу. Белинский знал, что только развитием и укреплением сознательности можно было прочно связать литературу с делом освободительной борьбы.

В 40-е годы Белинский выступает перед нами не только как гениальный представитель революционной мысли, не только как замечательный теоретик искусства и критик, но и как организатор литературы. Задачу внесения сознательности в литературу Белинский ставил и решал, исходя из созданного им учения о гении и таланте, составлявшего неотъемлемую часть всей системы его революционно-демократических взглядов.

Белинский представлял себе гения как «всеобщую личность», т. е. такую личность, которая выражает прогрессивные тенденции истории и интересы народа. В статье о «Парижских тайнах» Э. Сю, где Белинский выступал с защитой народа как хранителя «национального огня» и подлинного творца истории, — он дал и свое понимание гения. «Назначение гения — проводить новую свежую струю в поток жизни человечества и народов» (VIII, 485). Гений может быть великим историческим деятелем. Таков был Петр I в представлении Белинского. Но гений может быть и великим художником — народным поэтом, назначение которого заключается в том, чтобы, не отделяясь от народа, указывать ему будущее. Такими великими художниками и народными поэтами были для Белинского Пушкин, Лермонтов, Гоголь. В цитированной статье о «Парижских тайнах» Белинский писал, что «брошенная гением идея принималась бы слишком медленно, если бы не подхватывали ее на лету таланты и дарования, роль и назначение которых — быть посредниками между гениями и толпою» (там же). Так намечалось учение Белинского о гении и таланте, разработанное им в десятой статье пушкинского цикла (о «Борисе Годунове»), в статье «Мысли и заметки о русской литературе» и, наконец, особенно ярко и полно в статье «О жизни и стихотворениях Кольцова».

Если гений по самой своей сущности отражает прогрессивные тенденции исторического развития, если он выражает интересы народа, хотя

бы народ и не сознавал еще этих интересов, — назначение таланта иное. Он не создает своих идей, а только подхватывает и развивает идеи гения, он популяризирует их и делает всеобщим достоянием. Следовательно, направление в деятельности талантов не только может, но и должно быть предугазано. Поэтому сознательная мысль может только развивать и укреплять таланты. Одна сила непосредственного творчества вредит и самому гению, но еще больший вред она принесет таланту, если будет оторвана от сознательной мысли.

Учение о гении и таланте было источником тех теоретических предположений, на основе которых Белинский построил целостную программу в области литературы, ориентируясь на «обыкновенные таланты» и на развитие «беллетристики». Такой программой явилась статья Белинского, опубликованная в качестве введения к сборнику «Физиология Петербурга». Этой статье суждено было сыграть роль подлинного манифеста натуральной школы.

Коснувшись состояния русской литературы, Белинский прежде всего констатировал то положение, что у нас «гениальные действователи», такие, как Пушкин, Лермонтов и Гоголь, «не окружены огромною и блестящею свитою талантов, которые были бы посредниками между ними и публикою, усвоив их идеи и идя по проложенной ими дороге» (XII, 479).

Белинский обрушивался в своей статье на «так называемые „исторические“ романы» и «так называемые „правоописательные“ романы», потому что в них не было взгляда на вещи, не было идей, не было знания русского общества. По мысли Белинского, «обыкновенный талант или скоро переходит в бездарность, или вовсе не замечается даже в первую пору его деятельности, если он не подкрепляется умом, сведениями, образованием, более или менее оригинальным и верным взглядом на вещи...» И Белинский звал писателей к изучению действительности, к воспитанию «верного взгляда на вещи», предостерегая от мелочной сатиры и школьного критиканства. Но изучение русской действительности, с точки зрения Белинского, неотделимо было от сознательной критики сложившихся общественных отношений. Поэтому он и настаивал на том, чтобы устремлять внимание «на дикие понятия, на ревущие противоречия между европейскою внешностью и азиатскою сущностью» (XII, 477).

Белинский писал, что для беллетристических произведений Россия представляет неисчерпаемое богатство материалов: «Великороссия, Малороссия, Белоруссия, Новороссия, Финляндия, остзейские губернии, Крым, Кавказ, Сибирь, — все это целые миры, оригинальные и по климату, и по природе, и по языкам и наречиям, и по нравам и обычаям, и, особенно, по смеси чисто-русского элемента со множеством других элементов, из которых иные родственны, а иные совершенно чужды ему!» (XII, 478). И тем не менее, многие литературные издания, ставившие себе целью знакомить читателей «с русским обществом, а, следовательно, и с самими собою», не имели успеха. «Какая причина всех этих неудач? — спрашивал Белинский. — Причина не одна, их много, но главная из них — отсутствие верного взгляда на общество, которое все эти издания взялись изображать... Это тем удивительнее, что литераторы, принимавшие участие в этих изданиях, могли бы, кажется, найти для себя готовую и притом верную точку зрения на общество в произведениях тех немногих русских поэтов, которые умели постигнуть тайну русской действительности». «Верную точку зрения на общество» «обыкновенные таланты» могли найти у «гениальных действователей» — Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Все дело, следовательно, состояло лишь в том, чтобы усвоить их идеи и идти по проложенной ими дороге. Подобного рода задачу и стремились осуществить участники «Физиологии Петербурга», которые, как заявлял Белинский, были «совершенно чужды всяких притязаний на поэ-

тический или художественный талант». «Все самолюбие составителей этой книги, — писал Белинский, — ограничивается надеждою, что читатели найдут, может быть, в некоторых, если не во всех, из наших очерков петербургской жизни более или менее меткую наблюдательность, и более или менее верный взгляд на предмет, который взялись они изображать».

Вероятно по тактическим соображениям, Белинский не оговаривал в своей статье, что участники «Физиологии Петербурга» продолжали гоголевские традиции и шли по пути, открытому Гоголем. Тем не менее такой вывод напрашивался сам собою, — Белинский указывал на «многие сочинения Гоголя», в которых «нравственная физиономия Петербурга воспроизведена со всею художественною полнотою и глубиностью...»

Издание «Физиологии Петербурга» явилось для читающей публики неопровержимым свидетельством того, что толки о новой литературной школе вполне реальны и что такая школа действительно существует. Обсуждая «Физиологию Петербурга», журналисты и критики полным голосом заговорили о гоголевской школе, заговорил о новой школе и сам Белинский. Как раз в то время, когда шли споры о «Физиологии Петербурга», Белинский писал в «Отечественных записках»: «„Мертвые души“, заслонившие собою все написанное до них даже самим Гоголем, окончательно решили литературный вопрос нашей эпохи, упрочив торжество новой школы» (IX, 282). И еще: «С Гоголя начинается новый период русской литературы, которая, в лице этого гениального писателя, обратилась преимущественно к изображению русского общества» (IX, 482).

«Физиология Петербурга» вышла под редакцией Некрасова, и поэтому вместе с Белинским Некрасов нес ответственность за направление сборника. «Северная пчела» и обрушилась прежде всего на Некрасова, напала на него за «Петербургские углы» и ему же приписала авторство анонимного вступления к сборнику.⁴ Резко отрицательной оценкой встретила «Физиологию Петербурга» и славянофильская критика в лице К. Аксакова. Недавний противник Белинского в полемике о «Мертвых душах», К. Аксаков прекрасно знал, что подлинным идейным вдохновителем «Физиологии Петербурга» был Белинский. Поэтому свою рецензию на первую часть сборника К. Аксаков посвятил исключительно критике и преимущественно его вступительной статье. Стремление Белинского к внесению сознательности в литературу, его забота о росте «обыкновенных талантов» и о развитии беллетристики — все это в глазах К. Аксакова было святотатственным покушением на свободу художественного творчества, самая сущность которого представлялась ему неразлучной со стихией иррационального и бессознательного.

Приводя выдержку из вступительной статьи Белинского, К. Аксаков писал: «„Бедна литература, не блистающая именами гениальными, но небогата и литература, в которой все — или произведения гениальные, или произведения бездарные и пошлые“, говорит то же вступление. Между тем и другим должны быть произведения средние, не вполне бездарные, но вместе с тем и отнюдь не гениальные, одним словом, посредственные. Нет ни одной литературы в мире, которая в ряду многочисленных произведений не нашла бы многих и очень многих посредственных; но об этом мало говорят современники, забывают потомки; а строгая наука вовсе не признает их жалкого существования. Может быть, в подобном умолчании и можно видеть умышленную скромность: если есть уже недостатки, то нечего скрывать их. Допустим это, но странно, если вдруг начнут упрекать литературу в том, что в ней нет места посредственности и мало произведений посредственных; странно, если писатели нарочно согласятся совокупными силами действовать для размножения подобного рода сочинений и прямо выскажут свою цель!»

Истолковав литературную программу Белинского как линию на «размножение» посредственных произведений, К. Аксаков продолжал далее: «Посредственные писатели нужны только для того, чтобы могли быть предпринимаемы и поддерживаемы литературные спекуляции. Автор совершенно прав, нельзя писателю даровитому сказать: пиши то или другое — по заказу, пиши в том направлении, которое должно иметь предполагаемое издание; здесь нет места личному убеждению, как бы высоко оно ни было, нет места свободно-художественной деятельности писателя; писатель в этом случае невольник, раб чуждой воли, наемным трудом он должен служить литературе. Спекулянт-книгопродавец мог бы еще подумать подобным образом об писателе, но вряд ли бы решился он высказать подобную мысль. Что ж думать, когда ее высказывают сами писатели? „Физиология Петербурга“ выполняет эту мысль автора вступления, которая, определяя ее литературный характер, облегчает труд критики. Ей остается только сказать: „Физ. Петербурга“ вполне согласна с требованиями ее издателей — она вполне посредственна...»⁵.

В числе печатных откликов на «Физиологию Петербурга» рецензию К. Аксакова следует выделить потому, что она носила наиболее принципиально враждебный характер, и неслучайно, что на нее Белинский реагировал особенно остро и гневно. Достаточно сказать, что на протяжении 1845 г. Белинский в своих работах вспоминал эту рецензию четыре раза: он разъяснял свои взгляды и опровергал мнения К. Аксакова, никогда, впрочем, не называя его по имени.

В отзыве на вторую часть «Физиологии Петербурга» Белинский, имея в виду «Москвитянин», в котором была напечатана рецензия К. Аксакова, отметил, что этот журнал «выдумал, будто бы в предисловии сказано, что у нас все таланты, а нет посредственности, и что „Физиология Петербурга“ решилась сделаться сборником посредственных статей. Из этого видно, что бедный журнал нездоров и страдает расстройством печени» (IX, 471). Рецензия К. Аксакова не была им подписана, но Белинский по слогу рецензии узнал, что автором ее был автор ругательной статьи о поэме Тургенева «Разговор» и той «брошюрки» о «Мертвых душах», по поводу которой Белинскому пришлось спорить с К. Аксаковым еще в 1842 г.

Вскоре же, в отзыве на книгу Н. Полевого «Столетие России с 1745 по 1845 гг.» Белинский, вспомнив рецензию К. Аксакова, остановился на мысли о соотношении искусства и беллетристики. Белинский подчеркнул, что «один из очевидных признаков бедности русской литературы состоит в том, что у нас почти нет беллетристики и больше гениев, нежели талантов (что бы ни говорили и как бы ни издевались над этою мыслию невежды, умеющие придирааться только к словам, но не понимающие мысли!»). Для убеждения читателя в правильности своей точки зрения Белинский ссылался на историю русской литературы XVIII в. и пушкинской эпохи (X, 35—36).

«Что бы ни говорили о нас остроумные противники наши, но мы не перестанем повторять, что в русской литературе больше гениев, нежели талантов, больше художников, нежели беллетристов», — писал Белинский в отзыве на романы Дюма. В том же отзыве Белинский выдвинул тезис, что «беллетристика есть мерка богатства всякой литературы», указывая на показательный в этом смысле пример французской литературы. «Искусство писать до того развилось во Франции, что как будто сделалось второю природою французов. Оттого во Франции есть что читать, да и вся Европа читает французских писателей, все европейские литературы живут переводами с французского» (X, 83).

В статье «Мысли и заметки о русской литературе» Белинский вновь заявил, что «у нас больше художественных, нежели бел-

летрических произведений, больше гениев, нежели талантов». Белинский назвал эту свою мысль «самобытной и оригинальной мыслью» и еще раз остановился на ее обосновании, приводя факты из истории русской литературы (X, 149).

В полемике с К. Аксаковым Белинский защищал выдвинутую им программу новой школы, но, одновременно, ему пришлось вести борьбу и за самого Гоголя, за направление, которое он дал литературе. Булгарин в «Северной пчеле» продолжал давно начатое им глумление над Гоголем, а после издания «Физиологии Петербурга» он распространил это глумление и на новую школу.

В первом же отклике на «Физиологию Петербурга» Булгарин обратил особенное внимание на «Петербургские углы» Некрасова и обвинил эту вещь в «грязности». Из состава всех участников сборника Булгарин сочувственно выделил лишь Казака Луганского (В. Даля), но и по поводу его очерка недоуменно воскликнул: «„Петербургский дворник“ В. Луганского, описание ежедневных занятий и образа жизни дворника Григория! Думал ли Григорий дожить до такой чести! Это, так сказать, очерки или эскиз наружной жизни дворника, и какую это имеет цену в нравственном и философическом отношениях, мы этого не постигаем»⁶. Булгарину вторил сотрудник «Северной пчелы» Л. Брант, который издевался над «Петербургскими углами», сожалел, что очерк Казака Луганского попал в сборник, изданный Некрасовым, а статью Белинского «Петербург и Москва» называл «бездарной и малограмотной». Глумлению и осмеянию со стороны Л. Бранта подверглось также стихотворение Некрасова «Чиновник»⁷.

Вот что, например, писал Л. Брант по поводу «Петербургских углов»: «Писатель с дарованием, с умом и сердцем, сойдя воображением в это убогое жилище, в этот мрачный нищенский угол, мог бы нарисовать картину грустную, возбуждающую участие, сострадание. Г. Некрасов, питомец новейшей школы, образованной г. Гоголем, школы, которая стыдится чувствительного, патетического, предпочитая сцены грязные, черные... Не спорим, что они существуют, как неизбежные исключения в низшем слое человеческого общества; но должно ли рисовать подробно их жалкую жизнь, и особенно рисовать так, как рисует г. Некрасов, поставляющий, повидимому, торжество искусства в картинах грязных и отвратительных...»

Преследуя Некрасова, преследуя гоголевскую школу, «Северная пчела» от времени до времени пыталась противопоставлять Гоголю то одного, то другого писателя, руководствуясь групповыми и внелитературными соображениями. Так, о Казаке Луганском «Северная пчела» сочувственно отзывалась потому, что он не принадлежал к лагерю «Отечественных записок», печатался в разных изданиях, в том числе и в «Северной пчеле». Своего бывшего сотрудника Буткова, издавшего в 1845 г. первую книжку «Петербургских вершин», Булгарин демонстративно противопоставил Гоголю, уверяя читателей, что «Гоголь смешит карикатурами и, сидя на высоте, пишет картины грязью; г. Бутков сидит внизу, но рисует с натуры и светлыми красками»⁸. Подобного рода беспринципные тактические маневры получили сокрушительный отпор со стороны Белинского. Принадлежность писателя к той или иной журнальной группе в глазах Белинского не имела решающего значения при оценке сущности и направлении его творчества. Казака Луганского, например, вопреки ожиданиям «Северной пчелы» и нисколько не смущаясь ее сочувствием к этому писателю, Белинский хвалил и ставил высоко. В статье «Русская литература в 1845 году» Белинский заявил, что «после Гоголя» Казак Луганский «решительно первый талант в русской литературе». Белинский хвалил] Луганского за создание особенного рода поэзии — «физио-

логического» — и в этом роде считал его истинным поэтом, «потому что <он> умеет лицо типическое оделать представителем сословия, возвести его в идеал, не в пошлом и глупом значении этого слова, т. е. не в смысле украшения действительности, а в истинном его смысле — воспроизведения действительности во всей ее истине» (X, 115—116).

Интересно отметить, что положительный отзыв «Северной пчелы» о первой книжке «Петербургских вершин» Буткова был явно рассчитан на то,

БУЛГАРИН И ГРЕЧ

Карикатура неизвестного художника, 1834 г.

Институт мировой литературы им. Горького АН СССР, Москва

что эта книжка в «Отечественных записках» будет разругана. Однако Белинский отлично понял маневр Булгарина и в своей рецензии на «Петербургские вершины» он не только разоблачил его, но и показал масштаб дарования Буткова, отметив, между прочим, влияние на него Гоголя. «Большая часть недостатков его книги, самых важных, происходит от свойства его таланта, — замечал Белинский о Буткове. — Это, во-первых, талант более описывающий, нежели изображающий предметы, талант чисто-сатирический и нисколько не юмористический. В нем недо-

стает ни глубины, ни силы, ни творчества. Но, тем не менее, в авторе видны ум, наблюдательность и, местами, остроумие и много юмизма. Он умеет заметить смешную сторону предмета и схватить ее. Этого мало: у него не только виден ум, но и сердце, умеющее сострадать ближнему, кто бы и каков бы ни был этот ближний, лишь бы только был несчастен» (X, 76).

Обвинения, выдвинутые Л. Брантом, будто Гоголь и созданная им школа «стыдятся чувствительного, патетического, предпочитая сцены грязные, черные», потребовали от Белинского специальных пояснений. «Что эта школа стыдится чувствительного — правда, — утверждал Белинский, — потому что чувствительное и сантиментальное теперь то же, что пошлое, и его любит только школа, которая мы не знаем кем основана, но которая порождает нелепые и вздорные произведения... Но чтоб основанная Гоголем школа стыдилась патетического, это решительно ложь. Где больше патетического, как не в сочинениях Гоголя: „Тарас Бульба“, „Старосветские помещики“, „Невский проспект“ и „Шинель?“ (X, 94). Что касается до клеветнических обвинений гоголевской школы в „грязности“, на эти обвинения, в совершенном согласии с установками Белинского, ответил анонимный рецензент «Физиологии Петербурга» в «Русском инвалиде». Хотя Булгарин рецензентом и не был назван, но его слова по адресу Булгарина звучали убийственно: «По какому-то странному противоречию, люди, повидимому не слишком щекотливые на счет нравственности в своих делах и поступках, в то же время требуют строгой благопристойности от литературы... Значит, мы заботимся не о нравственности, а только о приличии... Нам всем, более или менее, малодушно хочется в произведениях литературы видеть свет, жизнь и людей лучше и красивее, нежели каковы они на самом деле: точно слабая мать избалованных детей усиливается уверить себя, что они порядочные люди»⁹. В пору борьбы с Булгариным по поводу «Физиологии Петербурга» Белинский с замечательной ясностью сформулировал основополагающий для эстетики руководимой им школы тезис о необходимости включения в литературу в качестве равноправной темы человека низших социальных слоев. Когда «Северная пчела» «изъявила свое неудовольствие, что дворник Григорий дождался чести видеть себя предметом литературного изображения», Белинский ответил, что «никакой истинный аристократ не презирает в искусстве и литературе изображения людей низших сословий и вообще так называемой низкой природы... Уж нечего и говорить о том, что люди низших сословий прежде всего — люди же, а не животные, наши братья по природе и о Христе, — и презрение к ним, особенно изъясняемое печатно, очень неуместно...» Так Белинский боролся за расширение границ литературы, так ратовал он за демократическое понимание человека. Вот почему Белинский и звал писателей изображать и изучать не «исключительных» героев, а обыкновенных людей. Вот почему «Чиновника» Некрасова он противопоставил всем героям Марлинского и заявил, что «эта пьеса — одно из лучших произведений русской литературы 1845 года» (IX, 473—474).

В изображении и показе обыкновенного человека Белинский видел не только развенчание и разоблачение всякого рода идеализации существующих общественных отношений, но и более глубокую сторону. Обыкновенные люди противостояли для него «всем возможным Наполеонам» и героям «наглой силы»; именно обыкновенных людей считал Белинский подлинными строителями жизни и творцами истории. «Человек сильный, могущественный, огромный — еще не всегда в то же время и великий человек, — писал Белинский в рецензии на стихотворения П. Штавера. — Нет спора, что, как воитель, Наполеон не имеет себе соперников в истории человечества; но в глазах истинно-мудрых, простой, скромный, небле-

стящий Вашингтон в тысячу раз более всех возможных Наполеонов имеет право на имя великого человека...» Предостерегая поэтов от увлечения «одним огромным — оно часто только чудовищно, а не велико», Белинский видел «благороднейшую миссию поэта» в том, что «ему принадлежит по праву оправдание благородной человеческой природы, так же, как ему же принадлежит по праву преследование ложных и неразумных основ общественности, искажающей человека...» (IX, 434, 432).

Так борьба за новую школу была для Белинского вместе с тем и борьбой за переустройство общества, за социалистические идеалы. «Благородно, велико и свято призвание поэта, который хочет быть провозвестником братства людей!» (IX, 432). Эти слова Белинского могли бы быть взяты девизом поэтов и писателей натуральной школы.

II

Сборник «Физиология Петербурга» явился одним из значительнейших явлений русской литературы 1845 г. В критическом обзоре за этот год Белинский имел возможность констатировать победу гоголевского направления и несомненные успехи новой литературной школы. «Если бы нас спросили, в чем состоит существенная заслуга новой литературной школы, — писал Белинский, — мы отвечали бы: в том именно, за что нападает на нее близорукая посредственность или низкая зависть, — в том, что от высших идеалов человеческой природы и жизни она обратилась к так называемой „толпе“, исключительно избрала ее своим героем, изучает ее с глубоким вниманием и знакомит ее с нею же самою. Это значило совершить окончательно стремление нашей литературы, желавшей сделаться вполне-национальною, русскою, оригинальною и самобытною; это значило сделать ее выражением и зеркалом русского общества, одушевить ее живым национальным интересом» (X, 106).

Когда писались эти строки, Белинский знал не только литературные явления истекшего года, но он знал еще о предстоящем выходе в свет «Петербургского сборника» под редакцией Некрасова и внутренне учитывал, конечно, центральную вещь сборника — «Бедных людей» Достоевского. В той же первой (январской) книжке «Отечественных записок» 1846 г., где был напечатан критический обзор Белинского, в рецензии на роман Жорж Санд «Мельник» сообщалось, что наступающий год «должен сильно возбудить внимание публики одним новым литературным именем, которому, кажется, суждено играть в нашей литературе одну из таких ролей, какие даются слишком немногим. Что это за имя, чье оно, чем занимательно, — обо всем этом мы пока умолчим, тем более, что все это сама публика узнает на-днях» (X, 123). В январе 1846 г. «Петербургский сборник» вышел в свет и сразу же был атакован «Северной пчелой».

Извещая о выходе сборника, Булгарин подчеркнул преемственность его с «Физиологией Петербурга» и в целях унижения новой литературной школы впервые презрительно назвал ее «натуральной» («Северная пчела», 1846, № 22, 26 янв.). В тот же день издательская рецензия на «Петербургский сборник» появилась в «Иллюстрации». Рецензент глумился над статьей Белинского «Мысли и заметки о русской литературе», а по поводу «Бедных людей» замечал, что роман «не имеет никакой формы и весь основан на подробностях утомительно однообразных, наводит такую скуку, какой нам еще испытывать не удавалось». Рецензент сравнивал «Бедных людей» с «Петербургскими вершинами» Буткова и отдавал преимущество последним¹⁰. Вслед за рецензентом «Иллюстрации» о «Петербургском сборнике» отзывался Л. Брант в «Северной пчеле». Коснувшись «Бедных людей», он уверял читателей, что Достоевский «увлекся пустыми теориями „принципиальных“ критиков, сбивающих с толку

молодое возникающее поколение» («Северная пчела», 1846, № 25, 30 января); самый роман объявлялся «скучным», а «главная причина его недостатков» усматривалась в том, что Достоевский «в тоне своего рассказа хотел соединить юмор Гоголя с наивным простодушием покойного Основьяненки (Квитки)».

«Петербургский сборник» едва только успел дойти до читателя, как появилась в свет вторая (февральская) книжка «Отечественных записок», в которой был напечатан «Двойник» Достоевского. В той же книжке журнала Белинский поместил заметку о «Петербургском сборнике», где говорил о Достоевском как о «совершенно неизвестном и новом» имени, «которому, как кажется, суждено играть значительную роль в нашей литературе». «Бедных людей», «Двойника», по мнению Белинского, было «слишком достаточно для убеждения... что та к и м и произведениями обыкновенные таланты не начинают своего поприща» (X, 173). Все в той же книжке «Отечественных записок» Белинский поместил полемическую заметку о рецензенте «Петербургского сборника» в «Северной пчеле» («Новый критикан»), которую начал извещением о последней новости — «явлении нового необыкновенного таланта». Белинский писал, что Достоевский «рекомендуется публике „Бедными людьми“ и „Двойником“ — произведениями, которыми для многих было бы славно и блистательно даже и закончить свое литературное поприще; но та к начать, — это, в добрый час молвить! что-то уж слишком необыкновенное...» (X, 193).

Приведенные отзывы Белинского о Достоевском стали известны читающей публике одновременно с самими романами, еще до обсуждения их в критике. При этом Белинский, говоря о Достоевском, еще не дифференцировал своего отношения к «Бедным людям» и к «Двойнику», хотя «Двойник», как это выяснилось вскоре же, заключал в себе совершенно неприемлемые для Белинского тенденции. Та рекомендация новому литературному имени, которую дал Белинский на страницах «Отечественных записок», явилась поводом для заключения, сделанного в «Северной пчеле», что Достоевский — «рассказчик не без таланта, но безнадежно увлеченный пустыми и жалкими теориями партии» (№ 48, 1 марта).

С критическим разбором «Бедных людей» и «Двойника» Белинский выступил в третьей (мартовской) книжке «Отечественных записок», т. е. тогда, когда петербургские газеты уже успели высказать свое суждение о Достоевском, но когда еще не появлялось отзывов о нем московской (славянофильской) критики. В своей статье Белинский советовал Достоевскому перепечатать мнения критиков о «Бедных людях» при издании своих сочинений, «как это сделал Пушкин, приложивший ко второму или третьему изданию „Руслана и Людмилы“ все критики и рецензии, в которых бранили эту поэму» (X, 219).

Выше уже отмечено, что самым первым откликом на «Петербургский сборник» было презрительное упоминание Булгарина о натуральной школе. Затем последовали бранные отзывы «Иллюстрации» и «Северной пчелы». Но «Петербургский сборник» имел успех в читательских кругах, и о нем продолжали говорить. Появились анонимные рецензии на сборник в «Ведомостях С.-Петербургской городской полиции», издававшихся В. Межевичем (1846, № 33, 9 февраля) и в «Русском инвалиде» (1846, № 34, 10 февраля).

Вот как сформулировал свое впечатление от «Бедных людей» рецензент «Русского инвалида»: «Вы кончите роман, и в душе вашей остается тяжкое, невыразимо-скорбное ощущение, — такое, какое наводит на вас предсмертная песня Дездемоны...» «Нам кажется, — писал рецензент далее, — что г-ну Достоевскому, для полного успеха, надобно составить свою публику, и, судя по первому его опыту, он приобретет ее, и весьма многочисленную, как приобрели ее Гоголь и Лермонтов. Едва успел он

была развернута им в обширную статью о «Петербургском сборнике», напечатанную в «Финском вестнике» (1846, т. IX, отд. V). Если в названной статье Ап. Григорьев уже имел возможность, говоря о Достоевском, подвести итоги суждениям Белинского и Шевырева, то в своей краткой рецензии он предварял не только критику «Москвитянина», но и статью Белинского о «Петербургском сборнике». Весьма возможно, что Белинский и не подозревал в анонимном рецензенте «Ведомостей С.-П.-Бургской городской полиции» автора вскоре же вышедшей книжки стихотворений, которую ему пришлось рецензировать. Не подозревал Белинский, конечно, и того, что один из сотрудников Межевича был уже автором ответственных критических статей в «Финском вестнике», что он будет сотрудником «Московского городского листка» и займет видное место в литературно-общественной борьбе вокруг натуральной школы.

В рецензии на «Петербургский сборник», оценивая первый роман Достоевского, Ап. Григорьев наметил основные пункты своей литературно-эстетической концепции, которую он развивал в последующих своих критических статьях и которая шла вразрез с установками Белинского и его программой натуральной школы. Коренное расхождение Ап. Григорьева с Белинским заключалось в понимании сущности гоголевского творчества. В то время как для Белинского миссия истинного поэта, а следовательно, и миссия Гоголя, состояла в «оправдании благородной человеческой природы», в «преследовании ложных и неразумных основ общечеловечности, искажающей человека», — для Ап. Григорьева Гоголь был прежде всего носителем христианского «озарения». Поэтому изображение обыкновенных людей и раскрытие противоречий действительности сливалось у Григорьева не с целями преобразования общества, а с идеалами всепрощения и христианской любви. Григорьев, несмотря на некоторые расхождения со славянофилами, в основах своего мировоззрения и своего понимания искусства был близок к ним.

Как утверждал Григорьев, «у Гоголя, в лучших его произведениях, вы не найдете ни одного лица поэтического, вы видите только степени падения человечности, но вам понятно, что эти степени падения вызваны поэтом во всем их страшном безобразии, для того, чтобы сильнее, божественнее, благодатнее отпечатлелось на них христианское озарение».

Признание этого «озарения» движущим нервом гоголевского творчества предопределило отношение Григорьева к новой литературной школе, которая, как представлялось ему, «взяла у главы только его односторонности». Отсюда сделанное Григорьевым сравнение «Бедных людей» и «Петербургских вершин» Буткова, как двух крайностей школы. По мнению Григорьева, гоголевское «озарение» у Достоевского превратилось в культ отдельной личности, тогда как Бутков пошел по пути сатирического изображения действительности. В своей газетной рецензии Григорьев писал: «г. Достоевский, человек с большим талантом, смешал личности с минутами их озарения, с минутами возвращения им образа божия, и, уединивши их, так сказать, в особый мир, анализировал их до того, что сам поклонился им; автор „Петербургских вершин“, г. Бутков, проникся только безотрадностью мелочных явлений и стал изображать их синтетически. Другие писатели школы взяли только форму учителя, нисколько не вникнув в глубину содержания. Только г. г. Достоевский и Бутков приняли дух его, первый усвоил себе самостоятельную, второй рабски пошел по следам творца „Шинели“. И г. Достоевскому суждено, кажется, судя по огромным размерам его таланта, довести школу до крайних граней, до *pes plus ultra*, — быть, так сказать, примиряющим звеном между Гоголем и Лермонтовым...»

Следует отметить, что имя Лермонтова при оценке «Бедных людей» Григорьев вспомнил далеко не случайно. Вопреки Белинскому, включав-

шему Лермонтова в орбиту новейшего гоголевского периода литературы, Григорьев, наряду с гоголевским направлением, различал еще и другое — лермонтовское, сущность которого он видел в фатализме, в «сознании всеисильной воли рока, простирающегося до сознания бесплодности и невозможности борьбы». И в авторе «Бедных людей» Григорьев почувствовал предвестие примирения этих двух направлений — гоголевского и лермонтовского.

Анализ литературно-эстетической концепции Григорьева в ее общественно-исторической обусловленности должен быть предметом особого рассмотрения. Но и не углубляясь в этот анализ, мы должны будем признать, что у автора «Бедных людей» Григорьев зорко уловил поворот от гоголевского изображения материальной и духовной среды, формирующей человека, к изображению самого человека в его внутренней жизни. Это перемещение центра тяжести от социальных проблем к психологическим, не оправданное в свете христианского «озарения» и потому осужденное Григорьевым, согласовалось в то же время с демократическими настроениями и социалистическими чаяниями. Вот почему первый роман Достоевского так восторженно был принят Белинским, связавшим, как мы видели, программу натуральной школы с борьбой за социалистические идеалы. Вместе с тем Белинский никогда не подвергал ревизии завоеванное и утвержденное Гоголем социальное понимание человека. Более того. Белинский критиковал и отбрасывал выдвинутые Григорьевым спиритуалистические элементы, которые были в гоголевском творчестве. Мы знаем, что развитие социалистических умонастроений Белинского шло по линии все возрастающей критики идеализма и утопизма, все большего и большего приближения к материалистическим позициям. И в этом причина тех колебаний по отношению к Достоевскому, которые заметны уже в статье Белинского о «Петербургском сборнике» и которые, в конце концов, привели его к расхождению с Достоевским и к разрыву с ним.

Ап. Григорьев очень тонко уловил, что в отзыве Белинского о Достоевском, особенно по поводу «Двойника», «проглядывает более умеренности, нежели сколько можно было ожидать, судя по предшествовавшим фактам». Действительно, в статье Белинского горячие его похвалы новому писателю сопровождались теперь некоторыми сомнениями и оговорками.

Белинский отнес Достоевского не к тем «обыкновенным талантам», на которых он ориентировался, защищая натуральную школу, а к числу талантов «необыкновенных». С этой точки зрения вопрос о соотношении Достоевского с Гоголем ставился и решался особым образом: не могло быть и речи о какой-либо подражательности. И все же в Достоевском Белинский справедливо увидел наследника Гоголя, многим обязанным своему учителю. Так, «сын, живя своею собственною жизнью и мыслями, тем не менее все-таки обязан своим существованием отцу», — говорил Белинский и дальше добавлял: «как бы ни великолепно и ни роскошно развился впоследствии талант г. Достоевского, Гоголь навсегда останется Коломбом той неизмерной и неистопимой области творчества, в которой должен подвизаться г. Достоевский» (X, 203).

Известные колебания Белинского по отношению к Достоевскому сказались прежде всего в определении своеобразия писательской индивидуальности автора «Бедных людей» и «Двойника». Не сомневаясь в «яркой самостоятельности» Достоевского, Белинский, тем не менее, отказался от всяких прогнозов последующего пути писателя. Он утверждал лишь, что «много, в продолжение поприща <Достоевского>, явится талантов, которых будут противопоставлять ему, но кончится тем, что о них забудут именно в то время, когда он достигнет апогея своей славы» (X, 218).

В «Бедных людях» Белинский был восхищен «трагическим элементом», глубоко проникавшим весь роман. Потрясающая правда о человеке,

страдающем от своей социальной приниженности, отвечала социалистическим умонастроениям Белинского и гуманизму натуральной школы. Прочитывая «страшную» сцену Девушкина с «его превосходительством», Белинский писал, что «всякое человеческое сердце, для которого в мире ничего нет выше и священнее человека, кто бы он ни был, всякое человеческое сердце судорожно и болезненно сожмется от этой — повторяем — с т р а ш н о й, глубоко-патетической сцены... И сколько потрясающего душу действия заключается в выражении его благодарности, смешанной с чувством сознания своего падения и с чувством того самоунижения, которое бедность и ограниченность ума часто считают за добродетель!...» (X, 213). Белинский в общем не изменил высокой оценки «Бедных людей»; впоследствии, уже после разрыва с Достоевским, он считал силу и оригинальность его в «глубоком понимании и художественном, в полном смысле слова, воспроизведении трагической стороны жизни» (XI, 153).

Но вот по поводу «Двойника» Белинский заговорил уже не только о силе писательского таланта, но и его «молодости и неопытности».

Самую мысль представить историю человека, помешавшегося на амбиции, вывести в качестве героя романа сумасшедшего — эту мысль Белинский счел «смелой и выполненной автором с удивительным мастерством». Вместе с тем, Белинский вынужден был признать «основание» в общем голосе петербургских читателей, что «Двойник» «несносно-растянут» и оттого «ужасно скучен». Все сказанное Белинским о «Двойнике» определенно свидетельствовало о колебаниях Белинского, о неясности для него в данный момент дальнейших творческих путей Достоевского. Однако вскоре же, как мы увидим ниже, отношение Белинского к Достоевскому определилось вполне.

Одновременно с появлением статьи Белинского и позже «Петербургский сборник» продолжал обсуждаться в критике. С разбором сборника в «Библиотеке для чтения» выступил А. Никитенко, в «Москвитянине» — Шевырев, в «Финском вестнике» — Ап. Григорьев¹² и т. д. Важнейшей темой всех статей о «Петербургском сборнике» продолжали оставаться «Бедные люди» и «Двойник» Достоевского. Имя нового писателя, естественно, связывалось с натуральной школой, а обсуждение романов Достоевского противниками школы было использовано для ее обличения и дискредитации. В этом смысле особенно характерна позиция Шевырева, который в своей статье подчеркнул «резкие признаки жалкого упадка» современной литературы в художественном отношении. «Всегда, когда искусство человеческое теряет дар божий, а следовательно и душу, — писал Шевырев, — всегда оно с отчаяния пускается в беллетристику, которой так жаждет г. Белинский и с жеманною скукой размалевывает окружающую его действительность»¹³. Шевырев намечал три наиболее губительных с его точки зрения тенденции современной литературы: тенденцию филантропическую, тенденцию социабельную и тенденцию цивилизирующую, что означало на его языке гуманизм, «соединение литераторов в партии» и, наконец, «западничество».

Шевырев доказывал, что первый роман Достоевского, несмотря на некоторые его достоинства, все же испорчен филантропической тенденцией. «К чему же создавать какое-то особенное филантропическое искусство, когда всякое искусство, изящное само по себе, непременно содержит в себе сочувствие и любовь к человечеству? Заботьтесь об одном только, чтоб произведение ваше было прекрасно: добро от него будет. Если же вы, отчаиваясь за его красоту, метите им на одну филантропию, — тогда вы, вредя изящному, вредите и доброму, а самую любовь к ближнему подвергаете вкусу моды вместе с вашим произведением, которое, не имея непреходящих достоинств истинно прекрасного, живет только временною потребностью»¹⁴. Итак, гума-

нистическое направление новой литературной школы, ее установка на сознательную мысль, за что так ратовал Белинский, — все это объявлялось Шевыревым противоречащим основным законам искусства. Антидемократизм и реакционность позиции Шевырева, которого вполне поддержал К. Аксаков в своей рецензии на «Петербургский сборник»¹⁵, не подлежат никакому сомнению. Что касается до «Двойника», то этот

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «МЕРТВЫМ ДУШАМ» ГОГОЛЯ

Рисунок А. Агина, перечеркнутый цензором и не допущенный к печати, 1847 г.

Исторический музей, Москва

роман Шевырев, опять-таки поддержанный Аксаковым, счел «грехом против художественной совести», возложив всю вину на направление, которое защищал в литературе Белинский.

К автору «Двойника» Шевырев обращался со словами упрека и предостережения: «...но беда таланту, если он свою художественную совесть привяжет к срочным листам журнала, и типографские станки будут из него вытягивать повести. Тогда рождаются могут одни кошмары, а не поэтические создания»¹⁶.

Ап. Григорьев в статье о «Петербургском сборнике», указав на мнения о Достоевском Белинского и Шевырева, не согласившись ни с тем, ни с другим, развил и обосновал тезисы своей краткой рецензии. Мысль о возможном примирении в авторе «Бедных людей» двух направлений — дерматовского и гоголевского — Григорьев теперь снял и сформулировал свое осуждение первого романа Достоевского более решительно. Ап. Григорьев отметил, что в «Бедных людях» «по местам мелькает даже иногда ложная сентиментальность и апотеоза мещанских добродетелей». Повторив противопоставление Достоевского Буткову, как двух крайностей новой литературной школы, с его точки зрения, Григорьев утверждал теперь, что, может быть, Достоевскому и «суждено довести до *pes plus ultra* гоголевскую школу, т. е. гоголевскую форму и манеру, но не дух того, кто так энергически, так сурово-грустно говорит, что „пора наконец дать отдых бедному добродетельному человеку“». О «Двойнике» Ап. Григорьев высказался с прямолинейной резкостью, как о «сочинении патологическом, терапевтическом, но нисколько не литературном: это история сумасшествия, разанализированного, правда, до крайности, но тем не менее отвратительного, как труп...» И Григорьев готов был предположить, что, «если автор пойдет дальше по этому пути, то ему суждено играть в нашей литературе ту роль, какую Гофман играет в немецкой... грустно будет, если назначение Достоевского есть назначение талантливого, но уродливого Гофмана...»¹⁷.

Справедливые и глубокие критические замечания Григорьева по поводу романов Достоевского связаны были, однако, с той концепцией гоголевского творчества, которая утверждала Гоголя не как поэта отрицания, а напротив, как поэта всепрощения и любви.

Явление в литературе «Бедных людей» и «Двойника» поставило перед критикой и общественной мыслью не только вопрос о развитии натуральной школы, но и вопрос о сущности гоголевского творчества. К вопросу о Гоголе, казалось бы уже решенному, необходимо было возвращаться снова и снова. Это делал прежде всего сам Белинский, который в статье о «Петербургском сборнике» рассмотрение романов Достоевского предварил рядом принципиальных суждений не только о Гоголе, но и о Пушкине. Если поэзию Пушкина Белинский характеризовал как «поэзию, избирающую своим предметом положительно-прекрасные явления жизни» (X, 197), художественную силу Гоголя он видел в юморе. Именно посредством юмора, доказывал Белинский, Гоголь «служит всему высокому и прекрасному, даже не упоминая о них, но только верно воспроизводя явления жизни, по их сущности противоположные высокому и прекрасному, — другими словами: путем отрицания достигая той же самой цели, только иногда еще вернее, которой достигает и поэт, избравший предметом своих творений исключительно идеальную сторону жизни» (X, 199).

Концепция Гоголя как великого поэта отрицания была диаметрально противоположна той, которую развивал Ап. Григорьев. Ставя перед собой вопрос о том, «в чем же именно состоит тайна искусства Гоголя, следовательно тайна его гения и неизбежного успеха», Григорьев отвечал: «Не в живом ли и теплом сочувствии к избранному им миру, не в любви к нему, которой свойственно отождествляться с своим предметом? Мысль, знаем, столько же не новая, сколько бесспорно истинная; но видим, к сожалению, что она понята нашими критиками слишком часто и не отчетливо в применении». В истолковании гоголевского творчества Белинским Григорьев видел даже определенную недооценку автора «Мертвых душ». Конечно, Белинского имел в виду Григорьев, когда он писал о Гоголе: «Его гениальность, его искусство, состоящие в любовном, глубоко человеческом отождествлении с уродливыми, неопрятными образами

той части человечества, которая стонет под гнетом неразвитости и отвержения, бессилия и невежества, ставят поэта на более высокую ступень настоящих интересов и на более почетное историческое место, нежели предполагают самые жаркие его поборники в современной русской критике»¹⁸. В другой своей статье, разбирая роман А. Вельтмана «Новый Емеля или превращения», Григорьев вступал уже в открытую полемику с Белинским. «Честь поэту, — писал он о Вельтмане, — который один из слишком немногих усердно ратует за элемент непризнанный, оклеветанный, за тот элемент, который так возвышенно вдохновил уже величайшего из наших поэтов в лирических местах его „Мертвых душ“, в тех именно местах, которые не признаны нашими западными критиками, которые им кажутся даже квасным патриотизмом, но которые, в сущности, суть не что иное, как пророческие прозрения в будущность этого непосредственного и не вышедшего еще из своей самородной непосредственности элемента»¹⁹. Защита Григорьевым «непосредственного элемента» русской народности являлась, в сущности, защитой крепостнического патриархализма, народной забитости и вековой отсталости. Утверждая величие Гоголя в его связях с этим «самородным непосредственным элементом», Ап. Григорьев с логической неизбежностью должен был дойти до защиты «Выбранных мест из переписки с друзьями». Действительно, так оно и случилось. Как мы увидим далее, Ап. Григорьев явился едва ли не самым бескорыстным апологетом реакционной книги Гоголя.

На статью Шевырева о «Петербургском сборнике», точно так же как на выступления Ап. Григорьева, Белинский не отвечал. Ни с одним из критиков романов Достоевского он не вступил в спор. Статья Белинского о «Петербургском сборнике» явилась одной из последних его больших работ в «Отечественных записках». Самой последней работой Белинского в этом журнале была одиннадцатая статья о Пушкине, доставленная в редакцию еще в апреле, но напечатанная в октябрьской книжке 1846 г. Белинский прекратил сотрудничество в «Отечественных записках» с апреля 1846 г., хотя в майской книжке и появились еще две его рецензии (см. об этом на стр. 400—401 наст. изд.). Напечатание же статьи Белинского в октябрьской книжке связано было с попыткой Краевского спекулировать сотрудничеством критика. Редактор-издатель «Отечественных записок» хотел заверить читателей, что направление журнала остается прежним, несмотря на то, что группа писателей во главе с Белинским переходила во вновь организуемый «Современник» Некрасова и Панаева.

Как бы то ни было, но с апреля и до конца 1846 г. у Белинского уже не было журнальной трибуны. А между тем, борьба вокруг натуральной школы за это время не только не прекращалась, но, напротив, вступила в очень острую и напряженную фазу.

Летом 1846 г. Гоголь прервал трехлетнее молчание статьей, напечатанной в «Московских ведомостях», в «Современнике» Плетнева и в «Москвитяине». Это была статья об «Одиссее, переводимой Жуковским», свидетельствующая о резком переломе в мировоззрении Гоголя. Великий русский писатель, глава новой литературной школы, призывал вернуться к патриархальности Гомера, приветствуя появление Одиссеи «именно в нынешнее время... когда сквозь нелепые крики и опрометчивые проповедывания новых, еще темно услышанных идей, слышно какое-то всеобщее стремление к какой-то желанной середине». Самая мысль Гоголя о «желанной середине» между реакцией и прогрессом объективно вела к отрицанию всякого прогресса. Это был призыв к застою. В октябре 1846 г. вышло второе издание «Мертвых душ» с авторским предисловием, написанным в тонах покаяния и самоуничтожения. Тогда же в литературных кругах стало известно о подготовленной Гоголем новой книге «Вы-

бранные места из переписки с друзьями», которая в январе 1847 г. и вышла в свет. Это был страшный удар для передовой общественной мысли, для русской литературы, для всего освободительного движения.

Предвестием «Выбранных мест» была уже статья Гоголя об Одиссее, которая на почитателей Гоголя произвела исключительно тяжелое впечатление и которая настраивала на самые тревожные предположения, вскоре оправдавшиеся.

Несколько месяцев спустя после появления статьи об Одиссее, в рецензии на второе издание «Мертвых душ» Белинский писал: «...статья Гоголя о переводе Одиссеи Жуковским до того исполнена парадоксов, высказанных с превыспренними претензиями на пророческий тон, что один бездарный писатель нашел себя в состоянии написать по этому поводу статью, грубую и неприличную по тону, но справедливую и основательную в опровержении парадоксов статьи Гоголя. Это опечалило всех друзей и почитателей таланта Гоголя и обрадовало всех врагов его» (X, 428—429). То была статья барона Розена, появившаяся 14 августа 1846 г. в «Северной пчеле» (№ 181) под издательским заглавием «Новая поэма Н. В. Гоголя».

Реакционный и бездарный писатель высмеивал парадоксы Гоголя и его пророческий тон, обвинял Гоголя в филологической безграмотности, называя все его рассуждения об Одиссее «широковещательной пошлостью» и злорадствовал над «беспорядочными, головокружительными рецензиями» Белинского.

Почти одновременно с появлением статьи Гоголя об Одиссее вышел в свет «Московский литературный и ученый сборник» со статьей Хомякова «Мнение русских об иностранцах»²⁰.

В названной статье Хомяков развивал свои излюбленные мысли о «тесной рассудочности, мертвой и мертвящей», которая господствовала в духовной жизни Западной Европы. С точки зрения Хомякова, эта рассудочность была закономерным последствием «сильных и коренных реформ, или переворотов, особенно таких реформ, которые совершены быстро и насильственно». «Какая-то мелкость и скудость духовной жизни» в Европе, по мнению Хомякова, была особенно ясна на примере Франции, не раз пережившей революционные потрясения. «Революция, — писал Хомяков, — была не что иное, как голое отрицание, дающее отрицательную свободу, но не вносящее никакого нового содержания». Касаясь социалистического движения в Западной Европе, Хомяков приходил к выводу, что это движение исторически неизбежно (в этом его относительная правота), но вместе с тем оно и ложно, поскольку в нем проявлялась все та же односторонность понятий, «завещанных прежней истории западных народов». Хомяков был убежден, что свое спасение Западная Европа может найти только на путях осуществления нравственно-религиозных идеалов. Все рассуждения Хомякова клонились к тому, чтобы противопоставить мертвящей европейской рассудочности нравственную чистоту и душевную целостность, причем эти последние качества объявлялись исключительной принадлежностью русского национального характера. Так утверждался принцип, открывавший дорогу национальной нетерпимости.

Статья Хомякова содержала в себе также нападки на литературных последователей Гоголя и на Белинского. Не называя Белинского по имени, Хомяков критиковал десятую его статью о Пушкине (о «Борисе Годунове»), стремясь опровергнуть взгляд Белинского на роль гения в исторической жизни народа. Выше уже шла речь о том, что учение Белинского о гении и таланте занимало важнейшее место в системе его литературно-критических взглядов. Учение о гении и таланте, занявшее такое важное место в литературной программе Белинского, оказало значительное влияние и на его отношение к истории России. И вот Хомяков тезису Белин-

ПЕТЕРБУРГСКИЙ

СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАННЫЙ

Н. НЕКРАСОВЫМЪ.

НѢКОТОРЫЯ СТАТЬИ ИЛЛЮСТРИРОВАНЫ.

В. Г. БѢЛИНСКИЙ.	Н. А. НЕКРАСОВЪ.
Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ.	А. В. НИКИТЕНКО.
ИСКАНДЕРЪ.	КН. В. О. ОДОБСКИЙ.
А. И. КРОНЕНБЕРГЪ.	И. В. ПАНАЕВЪ.
А. И. МАЙКОВЪ.	ГР. В. А. СОЛЖИЦЫНЪ.
	И. С. ТУРГЕНЕВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

=
1846.

— 170 —
На голокъ его курчавой
Торчить ермолка; пестъ лигавой,

Угрюмый старецъ, подхъ столу,
Сидитъ и журился. Кругомъ
Все тихо.... Сохнетъ воздухъ.... ягучій
Почва жара, перенета
Кричатъ.... ползетъ обаяе снѣгупучій
По длинной улицѣ сѣдл....

ИЗДАВАННЫЙ НЕКРАСОВЫМЪ «ПЕТЕРБУРГСКИЙ СБОРНИКЪ». В РЕЦЕНЗИИ НА НЕГО БЕЛИНСКИЙ ВПЕРВЫЕ
УПОТРЕБИЛ НАЗВАНІЕ «НАТУРАЛЬНАЯ ШКОЛА»

Титульный листъ и страница сборника с иллюстрацией А. Агна к рассказу в стихахъ И. С. Тургенева «Помещикъ»
«...къ „Помещику“ приложены прекрасныя картинки, рисованныя г. Агным...» (изъ рецензии Белинского на «Петербургскій
сборникъ», 1846 г.)

ского о Борисе Годунове, как государственном деятеле, лишенном гениальности, противопоставил свой славянофильский тезис о том, что «нет народа, который бы требовал постоянной гениальности в своих правителях». И дальше, в противовес Белинскому, Хомяков развивал славянофильский взгляд на единение царя с народом, ссылаясь на историю воцарения Михаила Романова. Опять-таки не называя Белинского, Хомяков нападал в своей статье на отзыв Белинского о русских сказках и песнях в связи с оценкой Белинским пушкинского «Жениха» и песни о купце Калашникове Лермонтова (в восьмой статье пушкинского цикла).

Когда вышел из печати «Московский литературный и ученый сборник» со статьями Хомякова, Белинский вместе со Щепкиным путешествовал по югу России. С «Московским сборником» ему удалось ознакомиться в Харькове, а из Одессы 4 июля 1846 г. он с возмущением писал о статье Хомякова в письме к Герцену («Письма», III, 137).

Статья Гоголя об Одиссее и статья Хомякова — одновременные и идеологически родственные явления, хотя и независимые друг от друга. Обе статьи знаменовали собой углубление и обострение общественных противоречий; обе они свидетельствовали о подготовке объединения реакционных сил, о предстоящем наступлении реакции на силы демократии и прогресса. В тот исторический момент, когда в лагерь реакции отходил писатель, чье имя многие годы было знаменем демократической России, в тот момент должно было произойти размежевание и внутри демократического лагеря. Вот почему Белинский с конца 1846 г. борется за объединение передовой литературы в одном журнале, в «Современнике»; вот почему, стремясь к объединению, он вступает в споры со своими же союзниками, последователями и учениками. Таков прежде всего знаменитый спор Белинского с Вал. Майковым, определивший содержание и направление программной статьи Белинского в «Современнике» — «Взгляд на русскую литературу 1846 г.». Этот спор имеет самое ближайшее отношение и к судьбам натуральной школы.

III

В. Майков принимал активное участие в подготовке знаменитого «Карманного словаря иностранных слов», некоторое время он связан был с кругом петрашевцев, а затем примыкал к кружку В. А. Милютина, к которому принадлежал и молодой Салтыков. Сотрудником «Отечественных записок» по критическому отделу Майков стал с мая 1846 г., заступив место Белинского. В. Майков продолжил борьбу со славянофилами, которую в «Отечественных записках» вел Белинский. В. Майков же оказался преемником Белинского и в борьбе за натуральную школу, притом в исключительно напряженной обстановке, которая сложилась во второй половине 1846 г., накануне организации «Современника» Некрасова и Панаева.

Важнейшие литературно-критические работы В. Майкова относятся к тому времени, когда у Белинского не было журнальной трибуны. Впрочем, Майков сотрудничал в «Отечественных записках» и после организации «Современника» — всю первую половину 1847 г., до самой смерти. Как справедливо отметил Плеханов, В. Майков «умер, не успев выйти из своего периода философских исканий». Но направление его исканий было существенно иным, сравнительно с направлением исканий Белинского. Воспитанный на изучении истории, социологии и политической экономии, Майков пришел к социалистическим умонастроениям и политически-радикальным выводам, но вместе с тем он оказался вовлеченным в сферу идей позитивизма. Отсюда его требование положительности, как «разумного признания действительности», отсюда его мысли о гармоническом соединении анализа и синтеза, умозрения с опытом и т. д. Майков

отправлялся в своих построениях от идеального понятия личности, как «свободно разумного существа, созданного по образу и подобию бога»²¹. «Величайший переворот в жизни человечества произведен был самим богом в образе человека, — писал Майков в статье о Кольцове. — Христос, со стороны своего человеческого существа, являет собою совершеннейший образец того, что называем мы величием личности». Идеальное понятие личности, естественно, приводило к отказу от общественно-исторического подхода. Майков и отрицал социальное понимание личности. «Человек, в котором, как в зеркале, отражается картина внешних обстоятельств его жизни, вся панорама фактов его возникновения и развития, это ли свободно разумное существо, созданное по о б р а з у и п о д о б и ю бога?...» — спрашивал Майков. Понятие человека, вмещающего в себе всю «чистоту и полноту богоподобия», с неизбежностью вело также к отрицанию национальности, потому что «человек, которого можно назвать типом какой бы то ни было нации, никак не может быть не только великим, но даже и необыкновенным». Отрицая национальность, Майков решительно разошелся с славянофильской доктриной, ибо с его точки зрения «цивилизация и особенность (то-есть отступление от идеала) — два понятия диаметрально противоположные, взаимно исключающие друг друга»²². В статье «Краткое начертание истории русской литературы» В. Аскоченского, критикуя славянофилов, В. Майков писал, что «истинная цивилизация всего на все одна, как одна на свете истина, одно добро; следовательно, чем меньше особенностей в цивилизации народа, тем он цивилизованнее, если только не считать особенностью то, что в нем могут быть развиты такие стороны, которые у других народов остаются в неразвитии...»

Идеальное понятие цивилизации, не мирившееся с славянофильской доктриной, согласовалось с «европеизмом», защитником которого был Майков. Он считал, что «единственный для России путь к развитию» это — «усвоение европейской цивилизации»²³. Система общественных взглядов Майкова завершилась у него представлением об истории, которая, как полагал он, творилась боговдохновенным героизмом избранных натур.

Из всех этих общетеоретических положений делались вполне определенные и ясные выводы в области литературы. Майков заявлял себя сторонником Гоголя и его школы, но полагал, что деятельность этой школы «бессознательна и смутна, потому что сам Гоголь только увенчан, а не объяснен критикой»²⁴. По мнению Майкова, Гоголь был «величайшим поэтом-аналитиком, давшим надолго нашей литературе направление критическое». Однако «эпоха критики должна быть в то же время и эпохой утопии (принимая это слово в его первоначальном, разумном значении): иначе человечество утратило бы всю энергию живых стремлений и осталось бы без ответа на призывы бытия»²⁵. Следовательно, гоголевское критическое направление односторонне и должно быть дополнено положительным утверждением идеалов: критика и утопия должны быть неразрывны друг с другом. Майков считал, что произведения Кольцова «положительно выразили собою тот идеал, на который остальные поэты наши указывают путем отрицания».

Примечательна сравнительная характеристика, которую Майков дал Гоголю и Достоевскому. «И Гоголь, и г. Достоевский изображают действительное общество, — писал он в статье «Нечто о русской литературе в 1846 году». — Но Гоголь — поэт по преимуществу социальный, а г. Достоевский — по преимуществу психологический. Для одного индивидуум важен как представитель известного общества или известного круга; для другого самое общество интересно по влиянию его на личность индивидуума». В. Майков восхищался психологическими чертами необыкновенной тонкости и глубины в «Бедных людях», а «Двойнику» он дал сле-

дующую восторженную оценку: «В „Двойнике“ манера г. Достоевского и любовь его к психологическому анализу выразились во всей полноте и оригинальности. В этом произведении он так глубоко проник в человеческую душу, так бестрепетно и страстно вгляделся в сокровенную машину человеческих чувств, мыслей и дел, что впечатление, производимое чтением „Двойника“, можно сравнить только с впечатлением любознательного человека, проникающего в химический состав материи... „Двойник“ развешивает перед вами анатомию души, гибнущей от сознания разрозненности частных интересов в благоустроенном обществе...»²⁶.

Отзывы Майкова о Достоевском подводят нас к корню его расхождений с Белинским. Поворот от социальных проблем к психологическим, от изображения общественной среды к изображению самого человека — вот как мыслилась Майковым перспектива развития натуральной школы. Призывая писателей заниматься «основательным изучением экономических наук», и в этом смысле не уходя от социальной проблематики, Майков в то же время оправдывал антисоциальную и патологическую фантастику «Двойника». Белинский же стремился укрепить и обосновать общественно-историческое понимание человека: психологические проблемы рассматривались им как производные от социальных и не противопоставлялись друг другу. Когда Белинский колебался в оценке романов Достоевского, он уже предчувствовал те неприемлемые для себя тенденции, которые нашли оправдание и теоретическую защиту у Майкова. Несмотря на родство социалистических и демократических унаследований, Майков и Белинский неизбежно должны были разойтись, поскольку идеология Майкова не только не совпадала и не сливалась с идеологией революционно-демократической и материалистической, но, напротив, во многом противостояла ей.

Признавая могучую силу критики Белинского в «отрицании ложных эстетических начал литературы и обращении к новым, диаметрально противоположным», особенно ценя критику Белинского за то, что она «служила до сих пор энергическим выражением симпатии к новой школе искусства», — Майков в то же время находил у Белинского существенные недостатки: бездоказательность и диктаторский тон. «Выражать симпатию и анализировать ее, — писал Майков, — две вещи разные и по сущности и по результатам... Выражать свое мнение публично и не подкрепить его доводами, которые сам находишь убедительными, уже значит выразить свое неуважение к свободе мнений и претензию на диктаторство».

Майков резко выступил против статьи Белинского «О жизни и сочинениях Кольцова», опубликованной в качестве вступительной статьи в издании «Стихотворений» Кольцова (СПб., 1846). В этой статье с особой яркостью и полнотой Белинским было развернуто его учение о гении и таланте. Исходя из критерия гениальности, которая заключалась для Белинского во «всеобщности идей и идеалов», т. е. в народности, Белинский отнес Кольцова к «гениальным талантам». Это определение, найденное Белинским, резюмировало его понимание поэзии Кольцова и имело глубокое содержание. Белинский доказывал, что по силе своей одаренности Кольцов поднимался до гениальности, и в то же время он не обладал гением, потому что не мог охватить русской действительности так разносторонне, как Пушкин, Лермонтов и Гоголь. Сфера Кольцова — это русская народная песня, поднятая на высшую ступень развития, — это поэзия русского крестьянского быта. «Поэзию этого быта нашел он [Кольцов] в самом этом быте, а не в риторике, не в пиитике, не в мечте, даже не в фантазии своей... И потому, в его песни смело вошли и лапти, и рваные кафтаны, и всклокоченные бороды, и старые онучи — и вся эта грязь превратилась у него в чистое золото поэзии...» (X, 284). Поэзия

Кольцова, утверждал Белинский, отразила противоречия русской народной жизни и запечатлела лучшие черты своего народа — громадную духовную силу его, которая сказывается и в страдании и в радости, силу, которую ничто и никогда не сломит, силу, которая чужда ложным утешениям.

Все эти суждения о Кольцове, как поэте национальном по преимуществу, вызвали критику и опровержение со стороны Майкова. В двух обширных статьях, посвященных разбору стихотворений Кольцова, Майков протестовал против формулы «гениальный талант» и стремился

В. Н. МАЙКОВ

Литография 1840-х гг.

Институт литературы АН СССР, Ленинград

показать, в противовес Белинскому, что Кольцов, как подлинный и большой поэт, выражает не национальные особенности, а общечеловеческие идеалы. Отрицание социального понимания личности и отрицание национальности — таковы основные пункты, которые определяли возражения Майкова Белинскому. Преимущественно на этих пунктах остановился и Белинский, вступив в полемику с Майковым в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года».

Для Белинского было важно размежеваться с Майковым прежде всего потому, что вопрос о личности и национальности, как определяющем ее развитие начале, имел первостепенное значение в системе славянофильских взглядов. А ведь Майков выступал противником славянофилов,

причем в полемике с ними он ссылался на традиции «Отечественных записок», которые были созданы Белинским. Показывая несостоятельность утопических убеждений Майкова, Белинский имел в то же время возможность вскрыть реакционный характер славянофильской трактовки проблемы народности и национальности.

Ни разу не назвав Майкова по имени, Белинский обрушился на него, как на «гуманического космополита» и сурово осудил его абсолютный способ суждения. «Идея истины и добра признавались всеми народами, во все века; — писал Белинский, — но что непреложная истина, что добро для одного народа или века, то часто бывает ложью и злом для другого народа, в другой век. Поэтому, безусловный, или абсолютный способ суждения есть самый легкий, но зато и самый ненадежный; теперь он называется абстрактным, или отвлеченным. Ничего нет легче, как определить, чем должен быть человек в нравственном отношении, но ничего нет труднее, как показать, почему вот этот человек сделался тем, что он есть, а не сделался тем, чем бы ему, по теории нравственной философии, следовало быть» (X, 403).

Абстрактному или отвлеченному способу суждения у Майкова Белинский противопоставлял другой способ — материалистический. «Психология, не опирающаяся на физиологию, так же не состоятельна, как и физиология, не знающая о существовании анатомии. Современная наука не удовольствовалась и этим: химическим анализом хочет она проникнуть в таинственную лабораторию природы, а наблюдением над эмбрионом (зародышем) проследить физический процесс нравственного развития» (X, 406). Опираясь на материалистические предпосылки, Белинский утверждал общественно-историческую обусловленность личности, а отсюда следовал вывод, что невозможно «разделить народное и человеческое на два... враждебные одно другому начала». Белинский писал: «Что личность в отношении к идее человека, то народность в отношении к идее человечества. Другими словами, народности суть личности человечества. Без национальностей, человечество было бы мертвым логическим абстрактом, словом без содержания, звуком без значения» (X, 408). Так Белинский ставил и решал проблему личности и национальности.

По определению Белинского, Майков бросился в «фантастический космополитизм во имя человечества», и это было крайностью, которая подлежала опровержению. Точно так же нужно было бороться и с другой крайностью — «фантастической народностью» славянофилов. Последние или смешивали с народностью старинные обычаи или указывали «на смирение, как на выражение русской национальности».

Принцип «кротости и смирения», из которого исходили и Хомяков и Ю. Самарин, Белинский в одном из своих писем назвал «неблагоприятным принципом», потому что он вел к национальной исключительности, к отрицанию прогресса.

В противоположность славянофилам, полное проявление и осуществление русской самобытности Белинский видел не в каких-либо ее исключительных свойствах, не позади, а впереди, не в прошлом, а в будущем. «Как и у славянофилов, — писал Белинский, — у нас есть свой идеал нравов, во имя которого мы желали бы их исправления; но наш идеал не в прошедшем, а в будущем, на основании настоящего. Вперед идти можно, назад — нельзя, и что бы ни привлекало нас в прошедшем, оно прошло безвозвратно» (X, 422). Как материалист и революционный демократ, Белинский звал к «исправлению нравов» не во имя мечтательного и невозможного «обращения к прошедшему, а во имя возможного развития будущего из настоящего» (X, 422).

Четкое и ясное самоопределение Белинского в вопросе о национальном развитии имело огромное значение для судеб натуральной школы.

В статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» Белинский дал очерк исторического приготовления новой школы, связав ее с прошлым русской литературы и показав движение литературы «от абстрактного начала мертвой подражательности к живому началу самобытности». Белинский был очень далек от мысли канонизировать кого-либо из писателей новой школы. Прогресс литературы он видел «не в талантах, не в их числе», а «в их направлении, их манере писать» (X, 396). Прогресс литературы для Белинского заключался в том, что литература стала, наконец, органом общественного самосознания.

Если В. Майков считал гоголевское критическое направление односторонним и призывал критику дополнить утопией, — Белинский, напротив, всю силу новой литературной школы в данный исторический момент полагал именно в ее критическом «отрицательном» направлении. «Но если бы... преобладающее отрицательное направление и было одностороннею крайностью, — писал Белинский, — и в этом есть своя польза, свое добро: привычка верно изображать отрицательные явления жизни даст возможность тем же людям, или их последователям, когда придет время, верно изображать и положительные явления жизни, не становя их на ходули, не преувеличивая, словом, не идеализируя их риторически» (X, 397).

Во второй половине 40-х годов за «положительные идеалы в литературе» ратовал не только В. Майков, но и славянофилы, хотя и с других позиций. Даже сам Гоголь в конце своего пути обратился к «положительным идеалам», создав свою реакционную утопию в «Выбранных местах из переписки с друзьями».

Объективный смысл и значение борьбы Белинского за «отрицательное направление» открывается нам в свете ленинской характеристики русских просветителей. В статье «От какого наследства мы отказываемся?» Ленин сопоставляет «просветителей» с народниками, а затем — тех и других с марксистами. Ленин указывает на то, что просветители ограничивались «отрицательной задачей расчистки пути для европейского развития...»²⁷. Тем самым они делали дело громадной исторической важности. Народников не удовлетворяло наследие просветителей. «...Народники, — говорит там же Ленин, — всегда вели войну против людей, стремившихся к европеизации России вообще...» В мировоззрении народников преобладали положительные идеалы. Но эти идеалы были ложными, противоречащими действительному положению вещей; вот почему не народники, а просветители оказались предшественниками русских марксистов. Отрицанием современной им действительности русские просветители выражали истинные потребности своего времени.

Литературно-критические выступления Майкова и вообще вся идеологическая ситуация конца 1846 г. бросали новый свет на содержание и направление творчества Достоевского. Совершенно естественно поэтому, что в программной статье «Современника» Белинский должен был сформулировать свое отношение к Достоевскому иначе, чем это было годом раньше. Многие, казавшееся неясным тогда, раскрывалось теперь во всей отчетливости.

Заслуживает быть отмеченным то обстоятельство, что, обращаясь к произведениям Достоевского в своей статье, Белинский отнес их к произведениям «беллетристической прозы». Это было уже определенное суждение в оценке Достоевского. Гораздо более сдержанно Белинский отзывался теперь даже о «Бедных людях», а в «Двойнике» он констатировал «чуждые недостатки» и решительно осудил фантастический колорит романа. Белинский никогда не отрицал законности фантастики и фантастических жанров, но в «Двойнике» фантастика носила антисоциальный и патологический характер. В этом смысле Белинский со всей резкостью

и утверждал по поводу «Двойника», что «фантастическое в наше время может иметь место только в домах умалишенных, а не в литературе, и находится в заведывании врачей, а не поэтов». По поводу новой повести Достоевского «Господин Прохарчин» Белинский высказался совсем отрицательно. Он писал об этой повести: «В ней сверкают искры таланта, но в такой густой темноте, что их свет ничего не дает рассмотреть читателю... Не вдохновение, не свободное и наивное творчество породило эту странную повесть, а что-то в роде... как бы это сказать? — не то умничанья, не то претензии... иначе она не была бы такою вычурною, манерною, непонятною, более похожею на какое-нибудь истинное, но странное и запутанное происшествие, нежели на поэтическое создание» (X, 420). Свои критические замечания Белинский заканчивал характерной оговоркой о том, что «мы не в праве требовать от произведения г. Достоевского совершенства произведений Гоголя; но тем не менее думаем, что большому таланту весьма полезно пользоваться примером еще большего» (X, 420—421).

Продолжавшийся отход автора «Бедных людей» от гоголевских традиций настраивал Белинского отнюдь не в пользу Достоевского. Годом спустя, когда появилась «Хозяйка», Белинский окончательно разочаровался в Достоевском. «Что это такое, — спрашивал Белинский, — злоупотребление, или бедность таланта, который хочет подняться не по силам, и потому боится идти обыкновенным путем и ищет себе какой-то небывалой дороги?» Повесть «Хозяйка» свидетельствовала об окончательном разрыве Достоевского с гоголевскими традициями и натуральной школой. Белинский прекрасно понял это, отметив, что «автор хотел попытаться помирить Марлинского с Гофманом, подболтавши сюда немного юмору в новейшем роде и сильно натеревши все это лаком русской народности» (XI, 142).

Когда вышла из печати «Хозяйка», уже не было в живых В. Майкова, критика наиболее близкого Достоевскому идеологически. Но и по отношению к «Хозяйке» оставалось справедливым определение Майкова, что «Достоевский — поэт по преимуществу психологический» и что в этом главное его отличие от Гоголя — «поэта по преимуществу социального». Для Белинского же гоголевское социальное или, другими словами, «отрицательное» направление являлось таким громадным завоеванием, измена которому, с его точки зрения, неизбежно вела к губительным последствиям.

Защищать и отстаивать гоголевское направление особенно было важно потому, что сам Гоголь отрекся от своего искусства, открыто солидаризировался с теми, кто бранил его сочинения, и объявлял несогласие с теми, кто защищал и хвалил его, кто провозгласил его главой новой литературной школы. В статье, посвященной разбору «Выбранных мест из переписки с друзьями», проникнутый величайшим гневом и негодованием, Белинский отвечал: «Когда некоторые хвалили сочинения Гоголя; они не ходили к нему справляться, как он думает о своих сочинениях... Так точно и теперь мы не пойдем к нему спрашивать его, как теперь прикажет он нам думать о его прежних сочинениях и о его „Выбранных местах из переписки с друзьями“... Какая нам нужда, что он не признает достоинства своих сочинений, если их признало общество? Это факты, которых действительности не в состоянии опровергнуть он сам...» (X, 453).

Появление «Выбранных мест из переписки с друзьями» не только не ослабило борьбы Белинского за гоголевское направление, но, напротив, усилило и обострило эту борьбу. Установку на внесение сознательности в литературу, как неперемненное условие ее связи с освободительным движением, в новых исторических обстоятельствах Белинский стал защищать

[illegible][illegible]

[illegible]

59

The railway has
a large passenger
compartment
in Colerain and
a large one of 40
pass. & 600000
the railway for
passenger and
the railway for

~~Not intended to be used for the purpose of the Annex~~[illegible]

АВТОГРАФ СТАТЬИ БЕЛИНСКОГО «ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ 1846 г.»

Лист рукописи с продолжением отзыва о «Господине Прохарчине» Достоевского и «Деревне» Григоровича. Вставка на полях и отдельные исправления текста сделаны Некрасовым

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

еще более решительно и страстно. Он обрушивался против так называемых «беспристрастных» людей, т. е. равнодушных, или, как он именовал их, «индифферентов».

К такого рода «индифферентам» Белинский отнес поэта и переводчика Э. Губера, выступившего в «Санктпетербургских ведомостях» со статьей «Русская литература в 1846 году». Губер писал о славянофилах и о натуральной школе, о «новой критике», которая, расхвалив Достоевского, якобы повинна была в его неудачах и т. д. Губер вполне одобрял стремление литературы сблизиться с жизнью, самый факт развития натуральной школы он считал положительным явлением. «Там, где во Франции родился социальный роман, а в Германии политическая песня, у нас появилась литература чиновников», — сочувственно отмечал Губер. При всем том, «молодая литература» далеко не удовлетворяла Губера. Он утверждал, что «недостаток этой молодой литературы состоит не в том, что она пишет о чиновниках, а в том, что она ничего другого не пишет, не в том, что она выставляет грязные стороны жизни, а в том, что она еще не возвысилась ни до одной из чистых ее сторон»²⁸. Губер придерживался того взгляда, что гармония, тишина и примирение являются условиями процветания искусства. По определению Белинского, Губер смотрел «на этот предмет глазами отживающих теперь свой век немецких эстетик». С Губером Белинскому пришлось вступить в полемику потому, что в его лице он нашел типичного представителя так называемых «беспристрастных» людей, не способных последовательно бороться за свои убеждения. В своих «Современных заметках» Белинский подверг мнения Губера спокойному, но достаточно суровому разбору. Говоря о «Санктпетербургских ведомостях» и о Губере, Белинский обличал в то же время и «Северную пчелу», которая систематически преследовала его как вдохновителя натуральной школы. «Я думаю, что наши московские друзья будут бранить меня за похвалы „С.-Петербургским Ведомостям“, — писал Белинский Боткину 6 февраля 1847 г., разумея спокойный и умеренный тон своей статьи. — Статья эта писана мною не для „С.-Петербургских Ведомостей“: это удар рикошетом по „Пчеле“» («Письма», III, 166—167).

Задумав нанести этот удар, Белинский повторил многое из того, что он писал раньше в защиту натуральной школы. Вместе с тем, в «Современных заметках» Белинский восстал против «беспристрастия» в общественно-литературной борьбе, против всякого рода попыток сглаживания ее противоречий и примирения «крайностей». Эта позиция Белинского обуславливалась напряженным и ответственным моментом, который наступил после выхода в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя.

IV

Как и следовало ожидать, с ликованием встретили новую книгу Гоголя враги писателя и враги натуральной школы. Булгарин тотчас же по выходе книги поспешил объявить в «Северной пчеле»: «До сих пор, по сознанию г. Гоголя... он описывал одни пошлости и рисовал одни карикатуры, не извлекая чувств из сердца человеческого, за что и произведен был в Гомеры, а последним сочинением он доказал, что у него есть и сердце, и чувство, и что он дурными советами увлечен был на грязную дорогу, прозванную нами натуральною школою. Отныне начинается новая жизнь для г. Гоголя, и мы вполне надеемся от него чего-нибудь истинно-прекрасного... Мы всегда говорили, что г. Гоголь, как умный человек, не мог никогда одобрять того, что провозглашала о нем партия, и он подтвердил это собственным сознанием. Честно и благодушно!» Далее, Булгарин писал о том, что Гоголь, прибыв в Петербург

в 1829 г., познакомился «едва ли не с первыми нами» и «если б не увлекся духом партии, то верно послушался бы наших советов, пошел бы в литературе чистым и светлым путем, проложенным Карамзиным и Жуковским, и теперь, с своим оригинальным талантом, стоял бы весьма высоко!»²⁹.

Принципиальное обсуждение «Выбранных мест» началось с гневной рецензии Белинского во второй книжке «Современника», где, между прочим, напечатаны были и его «Современные заметки» с оценкой литературно-общественной позиции Губера. Вслед за Белинским, с критическим разбором «Выбранных мест» в «Санктпетербургских ведомостях» выступил и Губер. Весьма вероятно, что советы, преподанные Белинским, а также позиция, занятая Белинским по отношению к книге Гоголя, оказали благотворное влияние на Губера. «Прочти в 35 № (14 февраля) „Санктпетербургских Ведомостей“ статью Губера о книге Гоголя: это замечательное и отрадное явление», — писал Белинский Боткину 17 февраля 1847 г. («Письма», III, 176). И в другом письме тому же Боткину 28 февраля 1847 г. Белинский писал: «Мне очень нравится статья Губера (читал ли ты ее?) именно потому, что она писана прямо, без лисьих верчений хвостом. Мне кажется, что она — моя, украдена у меня и только немножко ослаблена» («Письма», III, 185).

В оценке «Выбранных мест» Губер уже не был «индифферентом», не принадлежавшим ни к какой литературной партии. Хотел он того, или не хотел, он оказался сторонником Белинского. По отношению к реакционной книге Гоголя не могло быть никакой середины. Всякого рода попытки занять «беспристрастную» позицию были обречены на провал. Пытаться оправдывать книгу Гоголя — это значило отрицать прогресс и оправдывать реакцию. Но так случилось с Ап. Григорьевым, который своей статьей о «Выбранных местах» окончательно противопоставил себя прогрессивно-демократическому лагерю.

В 1847 г. Ап. Григорьев сотрудничал в «Московском городском листке» и печатал здесь критические обзоры и рецензии. Григорьев сочувствовал некоторым писателям натуральной школы, но по отношению ко всей школе он развивал свои прежние взгляды, неразрывно связанные с его концепцией Гоголя как поэта всепрощения и любви. Григорьев приветствовал появление на страницах обновленного «Современника» романа Герцена «Кто виноват?», повести Панаева «Родственники» и повести Нестроева (П. Н. Кудрявцева) «Без рассвета». «Все три произведения, — писал Григорьев, — чада одной мысли; все они, выражаясь словом автора „Кто виноват?“, — grübelein в извивах и изгибах личности, этого единственного предмета созерцания нашего роющегося только доселе века; этого предмета, который служит исходною точкою двух, повидимому различных, школ — школы Лермонтова, школы трагизма, и школы юмористической, школы Гоголя. Л и ч н о с т ь, повторяем опять — вот и предмет и вместе путь разрешения тяжелых вопросов нашего века; все остальные стремления только формы, только оболочки»³⁰. С большим сочувствием встретил Григорьев не только повести Тургенева «Бреттер» и «Каратаев», но и «Деревню» Григоровича, а также стихотворения Некрасова «Дорога», «Тройка», «Охота»: «„Деревня“ Григоровича и песни Некрасова ярко освещают такие страшные драмы, от которых судорожно сжимается сердце... Да, в каждой русской душе таятся страшные песни Некрасова о к а б а к е, о д о р о г е, о б о г о р о д н и к е...»³¹. Особенное восхищение вызвала у Григорьева «Обыкновенная история» Гончарова. Он объявил эту вещь «может быть лучшим произведением русской литературы со времени появления „Мертвых душ“, произведением по простоте языка достойным стать после повестей Пушкина и почти на ряду с „Героем нашего времени“ Лермонтова, а по анализу и меткому

взгляду на малейшие предметы, вышедшей непосредственно из направления Гоголя»³².

Приведенные отзывы и оценки Григорьева о писателях натуральной школы давали основание причислить Григорьева к защитникам школы. Это и сделал Булгарин в «Северной пчеле», назвав «Московский городской листок», где печатался Григорьев, «ультра-натуралистом натуральной школы, поклонником высокого пиитического таланта г. Некрасова». Булгарин обрушился на Григорьева за его похвальные отзывы о Некрасове и, особенно, за его оценку первого романа Гончарова. Отождествив критическую позицию Ап. Григорьева с позицией Белинского, Булгарин писал: «После господина Гоголя, приводившего в отчаяние спекуляторов своим молчанием, выдвинули из толпы другого молодого человека, господина Достоевского, и называли его г е н и е м, р а в н ы м Гоголю, не для пользы Достоевского, а для того только, чтоб обратить внимание публики на тот журнал, где печатались сказки г. Достоевского. Попытка не удалась. Теперь ударили в барабан о третьем г е н и и, господине Гончарове, напечатавшем в „Современнике“ повесть „Обыкновенная история“. В мурaveйнике больше крика об этой повести, чем было крика в Европе при появлении первой поэмы Байрона и первого романа Вальтер-Скотта»³³.

Нужно заметить, что до появления обзоров Григорьева с похвальными отзывами о писателях «Современника», между «Современником» и «Северной пчелой» не было полемики. Белинский, возглавивший критический отдел журнала, в программной статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» прокламировал новую тактическую линию по отношению к своим противникам. Белинский заявил, что «Современник» отказывается от вражды и будет «иметь дело только с книгами и мнениями, а не с авторами и лицами» (X, 402, 469). Причиной такого поворота в тактике Белинского, несомненно, была острота обстановки, сложившейся к концу 1846 г. в связи с ожидаемым появлением в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями». Ближайшим же поводом, определившим новую тактику Белинского, явилось то, что Краевский в «Отечественных записках», из-за соображений журнальной конкуренции, еще до выхода первой книжки «Современника» объявил, будто новый журнал вступил в союз с «Северной пчелой»³⁴. Инсинуация Краевского не требовала, конечно, опровержений, и Белинский только намекнул на эту инсинуацию в рецензии на третью часть «Воспоминаний» Ф. Булгарина (X, 469). Однако от резких обличений Булгарина, по тактическим соображениям, он отказался. Но вот теперь, когда Григорьев стал печатать свои обзоры в «Московском Городском Листке», а Булгарин отождествил направление «Листка» с направлением «Современника» и натуральной школы, «перемирие» было нарушено.

Булгарин ждал только удобного случая, чтобы напасть на «Современник», и такой случай представился. Булгарин, конечно, прекрасно знал, что Григорьев отнюдь не был апологетом натуральной школы и единомышленником Белинского. Булгарину было известно, что в статье о «Выбранных местах из переписки с друзьями» Григорьев критиковал натуральную школу и пытался отделить от нее Гоголя.

Григорьев писал: «Партия, складывавшая для Гоголя пьедестал из бранных остатков всей прошедшей литературы, до тех пор только поклонялась своему кумиру, пока не видела или, лучше сказать, могла еще не видеть слишком яркого различия его образа мышления от ее образа мышления». Григорьев утверждал, что в своей новой книге Гоголь «определяет сам себя как аналитика человеческой пошлости, но не как оправдателя ее, чем бы хотела может быть видеть его так называемая натуральная школа, не совсем понявшая своего учителя». Приступая к разбору «Выбранных мест», Григорьев ставил своей задачей доказать,

что поэт даже и не думал и з м е н я т ь своей прежней деятельности, что последняя книга только поясняет эту же самую деятельность»³⁵. Направление натуральной школы, якобы не понявшей своего учителя, Григорьев объединял с направлением творчества Достоевского. По мнению Григорьева, натуральная школа «увидела в Гоголе только оправдателя и восстановителя всякой мелочной личности, всякого микроскопического существования, — она пошла дальше в этом оправдании и вдалась, с одной стороны, в сентиментальное поклонение добродетелям Макара Алексеевича Девушкина и Варвары Алексеевны (в романе «Бедные люди»), забывши слово Гоголя, что опошлел образ добродетельного человека; с другой стороны, до того углубилась в созерцание личности, что дала гражданство всякой претензии в патологической истории о Голядкине-старшем, где человек является уже вполне рабом, для которого нет исхода из его рабства...»³⁶ В оценке «Бедных людей» и «Двойника» Григорьев был глубоко прав, но он заблуждался, отождествив направление творчества Достоевского с направлением натуральной школы. Такой взгляд был противоположен взгляду Белинского. Равным образом, обоснованная Григорьевым концепция гоголевского творчества как поэзии любви и всепрощения была диаметрально противоположна революционно-демократическому пониманию Гоголя как поэта отрицания.

Григорьев не ограничился апологией «Выбранных мест» и осуждением натуральной школы, но выступил и против Белинского. Григорьев порицал «Современник», руководимый Белинским, за то, что «слишком резко выдается в нем дух партии». Отправляясь от суровой оценки, которую дал Белинский общественной позиции А. Дюма, а также от некоторых других суждений Белинского, в частности по поводу «Выбранных мест», Григорьев так формулировал свое мнение о журнале: «Что за болезненная раздражительность ко всему, что выходит из пределов повседневной толкотни, что за странное отвращение от внутреннего мира души... что за односторонность, отрицающая все, кроме интересов минуты, уничтожающая разом и целые системы, как мистицизм и высокие создания искусства, односторонность, которая вторую часть Фауста — эту исповедь величайшего ума нашего века, еще недавно, года за два, признала с высоты своего величия за величайшую нелепость?...» Григорьев с сожалением констатировал, что «резкость односторонности отражается не только на литературных суждениях „Современника“, но даже на изящных произведениях». В качестве примера приводилось стихотворение Некрасова «Нравственный человек», в котором, по мнению Григорьева, «все изящество принесено на жертву иронии, и оттого ирония груба, потеряла силу»³⁷.

Критические обзоры Ап. Григорьева в «Московском городском листке» были подписаны инициалами А. Г., но Белинский, конечно, без труда узнал, что это был автор книжки стихотворений, изданной в 1846 г., и автор тогда же появившегося перевода софокловой «Антигоны» («Библиотека для чтения», 1846, № 8). Ап. Григорьев был молодым поэтом, подражавшим Лермонтову, и, по заключению Белинского, не осознавшим еще значения и характера своего таланта (Х, 299). Работу Григорьева как переводчика, Белинский признал неудовлетворительной, содержащей бесчисленные промахи и ошибки, а в предисловии к переводу он нашел крайнюю претенциозность (Х, 416). Облик молодого поэта, переводчика и критика, выяснился Белинскому до конца, когда тот выступил с апологией «Выбранных мест из переписки с друзьями», с порицанием натуральной школы и с упреками по адресу «Современника» за «резкую односторонность» суждений.

После того как Григорьев попытался защитить Ал. Дюма от Белинского, Белинский напечатал рецензию на романы Дюма, которую посвятил

К. Д. КАВЕЛИН

Рисунок неизвестного художника,
1849 г.Институт литературы АН СССР,
Ленинград*Kavelin — Portrety 1849*

преимущественно обозревателю «Московского городского листка», восторжавшемуся французским писателем. «Не то, чтоб выходка газетки стоила возражения, — писал Белинский, — но ее рыцарское негодование привело нас в сильное раздумье вообще насчет нашего так называемого европеизма. В самом деле, есть о чем подумать! Мы еще до сих пор не отстали от простодушной привычки повергаться во прах перед всякою знаменитостию, лишь бы она была европейская... Нам особенно нравится манера рецензента газетки — ничего не доказывая, говорить и восклицать: ну, можно ли так думать, так писать? — А отчего же н а м не можно, если в а м можно? Почему ваше мнение непременно истинно, а наше ложно? — Если вы находите чье-нибудь мнение ложным, возражайте против него, но не отнимайте ни у кого права ошибаться, не говорите: „Смотрите, пожалуйста, что пишут, можно ли это, да как это!“ Удивление не доказательство» (XIII, 209—210). Белинский заканчивал отповедь Григорьеву ядовитыми намеками не только на его перевод «Антигоны» с претенциозным предисловием, но также на его апологетическое отношение к реакционной книге Гоголя. «Вы удивляетесь, что есть люди, которые нападают на целые системы, например, м и с т и ц и з м а. То ли еще бывает у людей: есть смельчаки, которые нападают даже на системы невежества, обскурантизма, темных фраз о ясных предметах и высокопарного велеречия о простых вещах, претензии на байронизм и другие качества, которые люди иногда любят приписывать себе, не имея их, а все от охоты казаться необыкновенными натурами...» (там же).

Вместе с рецензией на романы А. Дюма в майской книжке «Современника» за 1847 г. были опубликованы «Современные заметки» Белинского, где давался сокрушительный отпор Булгарину в связи с его последними

выступлениями против натуральной школы. Поводом для этих выступлений, как уже сказано, явились обзоры Ап. Григорьева в «Московском городском листке».

Белинский не только разоблачал реакционность болгаринских литературных взглядов, но и вскрывал клеветнический характер недавних выпадов «Северной пчелы» против натуральной школы. Попутно Белинскому пришлось решительно отвести все те положительные отзывы о писателях натуральной школы, которые давал Григорьев. Его похвалы стихотворениям Некрасова и, особенно, «Обыкновенной истории» Гончарова Белинский признал нелепыми и смешными: «...ни натуральная школа, ни гг. Гончаров и Некрасов в этом не виноваты нисколько», заявлял Белинский. Он соглашался с тем, что статья Григорьева по поводу «Обыкновенной истории», на которую напал Булгарин, «действительно отличается качествами, от которых очень далеки ум и такт, свойственные людям зрелого возраста». Приведя выдержку из разбора «Обыкновенной истории», Белинский резюмировал свое мнение о статье Григорьева следующим образом: «Дело ясно говорит само за себя: в этих надутых фразах, в этой великолепной шумихе звонких слов, в этих общих риторических местах не видно даже юношеского энтузиазма, который бы давал им смысл и до некоторой степени оправдывал их, а видна только претензия на философское глубокомыслие, проникнутое лирическим пафосом. Но изо всего этого нисколько не следует, чтобы натуральная школа должна была отвечать за всякую печатную болтовню, за всякий печатный вздор» (XIII, 223).

Так, в борьбе с Булгариным, Белинский отмежевывался от Ап. Григорьева. Подлинной причиной уничтожающих отзывов о Григорьеве явились не столько враждебные Белинскому эстетические воззрения молодого критика, восходившие к началам романтизма, сколько общественная позиция Григорьева, взявшего под защиту «Выбранные места из переписки с друзьями». Именно поэтому Белинский был так беспощаден к Григорьеву.

«Современные заметки» были последней статьей Белинского в «Современнике», написанной перед отъездом за границу. 5 мая 1847 г. Белинский выехал из Петербурга и пробыл за границей почти полгода, прекратив на это время работу в журнале.

Белинский уезжал под впечатлением только что появившейся в «Санкт-петербургских ведомостях» (№№ 90 и 91, 24 и 25 апреля) статьи П. А. Вяземского «Языков — Гоголь», на которую ответить в печати он не мог по цензурным причинам, даже если бы успел это сделать. В зальцбрунском письме к Гоголю Белинский назвал Вяземского «князем в аристократии и холопом в литературе», а его статью — «чистым доносом» на почитателей Гоголя. Статья, действительно, была «доносом» и в первую очередь, конечно, на Белинского, потому что Вяземский открыто заговорил о политическом направлении натуральной школы и сопоставил ее развитие с развитием французской литературы. «Французское общество потрясено было ужасными переворотами, оно прошло сквозь огонь и кровь, — писал Вяземский. — В литературе его неминуемо должны отзываться волнение и брожение, заброшенные в нее событиями и действительностью». Вяземский объявлял ложным направление натуральной школы потому, что в России якобы не было и не могло быть никаких предпосылок для революции. «На нас, благодаря бога, провидение не наслало свои жестокие уроки. Отчего же нашей литературе быть лихорадочной и судорожной?» Вяземский приветствовал «Выбранные места», так как на Гоголе будто бы «лежала обязанность не двусмысленно, не сомнительно, а гласно и так сказать торжественно разорвать с частью своего прошедшего; то-есть, не столько своего собственного прошедшего, сколько того, кото-

рое ему придали, с одной стороны, безусловные и чрезмерные поклонники, а с другой — многочисленные и часто неудачные подражатели. Конечно, Белинского имел в виду Вяземский, когда он писал в статье: «Его «Гоголя» хотели поставить главою какой-то новой литературной школы, олицетворить в нем какое-то черное литературное знамя. Таким образом с больных голов на здоровую складывали все несообразности, все нелепости, провозглашаемые некоторыми журналами... Все эти ликторы и глашатаи, которые шли около него и за ним с своими хвалебными восклицаниями и праздничными факелами, именно и озарили в глазах его опасность и ложность избранного им пути. С благородною решимостью и откровенностью он тут же круто своротил с торжественного пути своего и спиною обратился к своим поклонникам. Теперь, оторопев, они не знают за что и приняться...»

Вяземский, однако, глубоко заблуждался. Дворянско-крепостническая реакция, которая нашла в нем одного из своих глашатаев, преждевременно возвещала о победе. Силы демократии и прогресса выросли настолько, что всякого рода попытки оправдать книгу, защищавшую крепостничество и самодержавие, обречены были на провал. И книга Гоголя «позорно провалилась сквозь землю», как об этом писал Белинский в знаменитом зальцбрунском письме, которое, по словам Ленина, выразило «настроение крепостных крестьян против крепостного права» и которое стало историческим памятником русской революционно-демократической мысли.

Констатируя провал «Выбранных мест из переписки с друзьями», Белинский предупреждал Гоголя: «И публика тут права: — писал он, — она видит в русских писателях своих единственных вождей, защитников и спасителей от русского „самодержавия, православия и народности“, и потому, всегда готовая простить писателю плохую книгу, никогда не простит ему зловредной книги. Это показывает, сколько лежит в нашем обществе, хотя еще в зародыше, свежего, здорового чутья, и это же показывает, что у него есть будущность» («Письма», III, 236).

В зальцбрунском письме Белинский с огромной силой выразил свои революционные взгляды и заклеил крепостничество, самодержавие и церковь. Спасение России он видел «не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиетизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности». Белинский требовал для народа «прав и законов, сообразных не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью». Эти требования были обращены и к русским писателям; эти требования определяли направление той литературной школы, за которую Белинский продолжал борьбу до самой смерти.

V

По возвращении из-за границы в конце сентября 1847 г. Белинский ревностно принялся за журнальную работу. После выхода в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями» вопрос о натуральной школе приобрел политическую остроту, и поэтому борьба за нее крайне затруднялась цензурными условиями. Само собой разумеется, что для врагов натуральной школы это обстоятельство оказалось выигрышным моментом. Общественно-политическое направление школы не постеснялся раскрыть Вяземский в своей статье, а вслед за ним славянофилы встали на путь ее политической дискредитации. Так, несомненно определенная преемственность между статьей Вяземского и обширной статьей Ю. Самарина, подписанной буквами М. З. К. и появившейся во второй части «Москвитянина» 1847 г. под заглавием «О мнениях „Современника“ исторических и литературных».

Самарин подвергал критическому разбору три программных статьи, напечатанные в первом номере «Современника»: статью Кавелина «Взгляд на юридический быт древней Руси», статью официального редактора журнала Никитенко «О современном направлении русской литературы» и статью Белинского «Взгляд на русскую литературу 1846 года». Анализируя статью Кавелина и пытаясь показать несостоятельность кавелинской исторической концепции, Самарин стремился представить общинное начало в качестве единственно правильного основания русского быта, которым он якобы превосходит Западную Европу. Славянофильская система исторических взглядов, развернутая в статье Самарина, неотделима была от его литературно-эстетических воззрений, проникнутых, как и у других славянофилов, враждебностью к натуральной школе. Самарин устанавливал противоречие между статьями Никитенко и Белинского и давал бой новому журналу не только по общеисторическим вопросам, но также по вопросу о Гоголе и натуральной школе. Критик «Москвитянина», разумеется, не преминул воспользоваться тем обстоятельством, что Никитенко был официальным редактором «Современника», ответственным за журнал перед цензурой, и что между его взглядами и взглядами Белинского было существенное, принципиальное различие.

В самом деле, если Белинский выступал страстным защитником натуральной школы, то Никитенко, признавая ее правомерность, подчеркивал в то же время односторонность отрицательного взгляда на действительность. Если Белинский утверждал, что «привычка верно изображать отрицательные явления жизни даст возможность тем же людям или их последователям, когда придет время, верно изображать и положительные явления жизни», — то Никитенко упрекал «наших правописателей-юмористов» в том, что они, «выставляя перед читателями одну нелепую сторону помещика, чиновника, забывают вовсе другую, где нравственный и общественный их характер должен быть понят и изучен с одной точки зрения, спокойно, без ярости и озлобления». «Им беспрестанно мерещатся Ноздревы, Собакевичи; Чичиковы, — писал Никитенко. — Ежели есть у нас и Ноздревы, и Собакевичи, и Чичиковы, то рядом с ними есть помещики, чиновники, выражающие правами своими прекрасные наследственные качества своего народа с принятыми и усвоенными ими понятиями мира образованного...» Своей критикой натуральной школы Никитенко не только умалял ее значение, но он утверждал, в сущности, то же, что говорили ее враги, обвинявшие натуральную школу в искажении общей картины русской действительности.

Естественно, что Самарин сочувственно отозвался о литературных мнениях Никитенко и противопоставил им мнения Белинского. В противоположность Белинскому, не устававшему подчеркивать преемственную связь натуральной школы с направлением гоголевского творчества, Самарин полагал, что материал натуральной школе «дан Гоголем, или лучше взят у него», но содержание гоголевских произведений для писателей этой школы осталось совершенно недоступным. По мнению Самарина, у Гоголя «под изображением действительности, поразительно истинным, скрывалась душевная скорбная исповедь. От этого произошла односторонность содержания его последних произведений, которых, однако, нельзя назвать односторонними, именно потому, что вместе с содержанием художник передает свою мысль, свое побуждение». Под «мыслью и побуждением» Самарин разумел гоголевский гуманизм, истолковываемый им в том реакционном духе, который придал своему гуманизму сам Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Самарин утверждал, что Гоголю «нужно было породниться душою с тою жизнью и с теми людьми, от которых отворачиваются с презрением, нужно было почувствовать в себе самом их слабости, пороки и пошлость, чтобы в них же почувствовать

присутствие человеческого; и только это одно могло дать право на обличение»³⁸. Таким образом, идейный смысл гоголевского творчества, с точки зрения Самарина, заключался не в осуждении и отрицании крепостни-

КНИГА «ВСЕПОПОДАННЕЙШИХ ДОКЛАДОВ» III ОТДЕЛЕНИЯ
ЗА 1848 г.

Книга включает доклад шефа жандармов А. Ф. Орлова от 23 февраля 1848 г. о журналах «Современник» и «Отечественные Записки», в котором Орлов обращает внимание царя на «вредное» направление этих органов

Центральный Исторический архив, Москва

ческой действительности, а в проповеди внутреннего совершенствования и «очищения» человека. Совершенно очевидно, что, подходя с этих позиций к произведениям натуральной школы, Самарин должен был отвергнуть как идейное, так и художественное их значение.

По мнению Самарина, писатели натуральной школы клеветуют на действительность и дают в своих произведениях карикатуры вместо правдивого изображения жизни. Тенденциозность натуральной школы Самарин квалифицировал как ложную и вредную, полагая, что писатели этой школы некритически подражают французской литературе, где «карикатура и клевета на действительность понимается как исправительное средство». Самарин с горечью писал о том, что во Франции «участие к искусству охладело; теперь новое произведение обращает на себя внимание и оценивается не по художественному его достоинству, а по тому, насколько оно подвергается «обсуждению» тот или другой общественный вопрос, и чего можно ожидать от предлагаемого разрешения: пользы или вреда». Тенденциозность натуральной школы, заимствованная по мнению Самарина из французской литературы, с его точки зрения, привела к тому, что у писателей создались условные схемы, трафареты, мешавшие проявлению творческой фантазии. «Быт чиновничий, кажется, уже почти исчерпан, — писал Самарин. — Теперь в моде быт провинциальный, деревенский и городской. Лица, в нем действующие, с точки зрения наших правописателей, подводятся под два разряда: бьющих и ругающих, битых и ругаемых. Побои и брань составляют как бы общую основу, на которой бледными красками набрасывается слегка пышный узор любовной интриги». Критик-славянофил с возмущением относился к социальному характеру натуральной школы, поставившей вслед за Гоголем на место любовной интриги изображение общественных и классовых противоречий.

Последнее обвинение, предъявленное Самариним к писателям натуральной школы, заключалось в том, что они якобы с пренебрежением относились к простому народу. «Замечательно, что французские писатели, — заявлял Самарин, —...обличают общество, часто клеветуют на него, но почти всегда щадят простой народ и заступаются за него... Они полагают, что творческое начало в народе, что жизнь общественная обновляется приливом сил в нем заключенных, что преобразования в учреждениях тогда только возможны, когда требование их, более или менее ясно сознательное, идет от народа... Но должно сознаться, что в этом отношении натуральная школа худо понимает свой образец. На ней лежит тяжелый упрек. Она не обнаружила никакого сочувствия к народу, она так же легкомысленно клеветает на него, как и на общество».³⁹

Самарин, как и другие славянофилы, рисовал себе идеал народного характера совершенно иначе, чем это мыслилось писателями натуральной школы. Если для Белинского и его друзей особенно дороги были те черты народного характера, которые выражали любовь к свободе и стремление к независимости, для славянофилов были дороги черты смирения и покорности, а также всякого рода пережитки патриархальных отношений. Трезвая и зачастую жестокая правда, раскрывавшаяся в произведениях натуральной школы о городской бедноте и деревенской жизни, шла в разрез с славянофильской идеализацией русского народа. Особенное внимание натуральной школы к отрицательным сторонам народного быта и квалифицировалось славянофилами, как клевета на простой народ и презрение к нему. Итак, основные обвинения натуральной школы и ее защитников сводились Самариним к тому, что, во-первых, он обнаружил противоречие в оценке этой школы в статьях Белинского и Никитенко в одном и том же номере «Современника»; во-вторых, он отрицал внутреннюю идейную связь натуральной школы с Гоголем и устанавливал зависимость этой школы от французской литературы; в-третьих, он усматривал в произведениях натуральной школы дурную тенденциозность и, как следствие этого, слабость произведений в художественном отношении; наконец, в-четвертых, он обвинял молодых писателей в клевете на действительность и в презрении к простому народу.

Все эти обвинения продолжали и развивали тезисы статьи Вяземского, а также критику натуральной школы, с которой выступала «Северная пчела». Особенность статьи Самарина заключалась лишь в том, что он собрал и объединил возможные обвинения против натуральной школы и пытался обосновать их принципиально. Самарин был прав, конечно, когда он указывал, что содержание произведений натуральной школы беднее и слабее содержания произведений Гоголя; прав был Самарин и в том, что некоторые произведения натуральной школы действительно были несовершенны в художественном отношении. Но эти справедливые указания никак не ослабляли антидемократического реакционного направления всей статьи.

Белинский был чрезвычайно возмущен выступлением критика «Москвитянина». «Самарин тиснул в „Москвитянина“ статью (весьма пошлую и подлую) о „Современнике“; мне надо было ответить ему», — сообщал Белинский Анненкову 20 ноября 1847 г., а через два дня в письме к Кавелину Белинский прямо заявлял, что в его глазах «Самарин не лучше Булгарина по его отношению к натуральной школе». В письме к тому же Кавелину от 7 декабря 1847 г. Белинский соглашался, что «Самарин человек умный» и что его «нельзя никак назвать бездарным человеком», но в то же время Белинский был убежден, что «от его статьи несет мерзостью» («Письма», III, 292—293, 299, 304).

Столь резкая оценка статьи была вызвана не тем, что Самарин принадлежал к лагерю идейных противников Белинского, но прежде всего тем, что статья «Москвитянина» против натуральной школы, подобно статье Вяземского, носила характер доноса и привлекала внимание правительства к направлению школы. Сопоставлять развитие натуральной школы с развитием французской литературы, утверждать, что натуральная школа отказалась «от спокойного созерцания жизни» и «приняла в себя, как основное двигательное начало, одушевление страсти» — это значило раскрывать действительную связь натуральной школы с передовой общественной и революционной мыслью. Это значило обнажать связь направления натуральной школы с задачами освободительной борьбы.

Когда Кавелин в не дошедшем до нас письме к Белинскому высказал некоторые свои сомнения по поводу ответной статьи Белинского, указав, очевидно, на резкое отличие позиции Гоголя, как автора «Выбранных мест», от направления натуральной школы, критиковавшей общественные порядки в России, Белинский вынужден был разъяснить ему особенности своей статьи. «Насчет Вашего несогласия со мною касательно Гоголя и натуральной школы, — писал Белинский Кавелину 22 ноября 1847 г., — я вполне с Вами согласен, да и прежде думал таким же образом. — Вы, юный друг мой, не поняли моей статьи, потому что не сообразили, для кого и для чего она писана. Дело в том, что писана она не для вас, а для врагов Гоголя и натуральной школы, в защиту от их фискальных обвинений. Поэтому я счел за нужное сделать уступки, на которые внутренне и не думал соглашаться, и кое-что изложил в таком виде, который мало имеет общего с моими убеждениями касательно этого предмета. Напр., все, что Вы говорите о различии натуральной школы от Гоголя, по-моему, совершенно справедливо; но сказать этого печатно я не решусь: это значило бы наводить волков на овчарню, вместо того, чтобы отводить их от нее. А они и так нашли на след и только ждут, чтобы мы проговорились. Вы, юный друг мой, хороший ученый, но плохой политик...» («Письма», III, 299).

В другом письме к Кавелину от 7 декабря 1847 г. Белинский писал, что «между Гоголем и натуральною школою целая бездна; но все-таки она идет от него, он отец ее, он не только дал ей форму, но и указал на содержание. Последним она воспользовалась не лучше его (куда ей в этом

боротся с ним), а только сознательнее» («Письма», III, 312). Следовательно, Белинский не только считал, что Гоголь, как писатель, неизмеримо выше своих молодых последователей, но он полагал также, что писатели натуральной школы «сознательнее», нежели автор «Ревизора» и «Мертвых душ», подходят к критике общественных порядков в России. Однако этой стороны дела Белинский не мог коснуться в своем ответе Самарину, дабы не «наводить волков на овчарню», и поэтому он «счел за нужное сделать уступки, на которые внутренне и не думал соглашаться».

Свою ответную статью Самарину Белинский начал с того, что связал его критику натуральной школы с общей концепцией славянофилов. Продолжая свою давнюю полемику с славянофилами, Белинский указывал на мракобесный «Маяк», в котором, по его мнению, тенденции славянофильства, приводившие в конечном счете к защите крепостничества, были представлены в наиболее чистом виде. Предъявленные Самариним обвинения в том, что мнения редактора «Современника» и сотрудников журнала не согласуются друг с другом, Белинский нейтрализовал указанием на противоречия, которые возникали по разным вопросам в статьях, помещавшихся в органах славянофилов — «Москвитяине» и «Московском сборнике». Обвинения же по адресу натуральной школы в клевете на действительность, которую Самарин видел в отрицательном направлении школы, Белинский опровергал, исходя из мысли, что выбор писателями того или иного сюжета зависит от времени и от исторических условий литературного развития и что односторонность сюжета отнюдь не исключает всесторонности его разработки. Упреки в тенденциозности писателей натуральной школы Белинский возвращал своему противнику, показывая, что его забота о «чистом искусстве» тоже насковоз тенденциозна, поскольку никто не в праве навязывать художнику то или иное направление и предписывать ему определенные сюжеты. Борьбу с «чистым искусством», которое пытался защищать Самарин, Белинский соединял с требованием подлинной свободы художественного творчества, свободы от всякого внешнего принуждения.

«Вот то-то и есть, — писал Белинский, — хлопчут о чистом искусстве, и первые не понимают его; нападают на искусство, служащее посторонним целям, и первые требуют, чтобы оно служило посторонним целям, т. е. оправдывало бы теории и системы нравственные и социальные. Творчество, по своей сущности, требует безусловной свободы в выборе предметов не только от критиков, но и от самого художника. Ни ему никто не в праве задавать сюжетов, ни он не в праве направлять себя в этом отношении. Он может иметь определенное направление, но оно у него только тогда может быть истинно, когда, без усилия, свободно, сходится с его талантом, его натурой, инстинктами и стремлением» (XI, 25).

Белинский показывал явную непоследовательность славянофилов, которые отрицали натуральную школу и в то же время превозносили гений Гоголя. Разбирая статью Самарина, Белинский нашел в ней не только непонимание новой школы, но и «превратное понимание искусства и Гоголя». Белинский опровергал всякого рода попытки представить Гоголя в качестве писателя, изображавшего только пошлые стороны жизни. Существенную и важнейшую особенность гоголевского творчества Белинский видел в «слиянии серьезного и смешного, трагического и комического, ничтожности и пошлости жизни со всем, что есть в ней великого и прекрасного». «Если в „Тарасе Бульбе“ Гоголь умел в трагическом открыть комическое, то в „Старосветских помещиках“ и „Шинели“ он умел уже не в комизме, а в положительной пошлости жизни найти трагическое. Вот где, нам кажется, должно искать существенной особенности таланта Гоголя. Это — не один дар выставять ярко пошлость жизни, а еще более — дар выставять явления жизни во всей полноте их реаль-

О журналах, Современниках Ваше Император-
и, Столические записки сское Величество, суживъ

Heads and arms covered with
acrid humors, small
puscular spots, macular and
lined by erythema, as well as
pyramidal conical and
laminar scaly very prominent
covered by laminae more or
less adherent some also
smaller than many of the
pyramids & on keratinized
or 1. Humidated by sweat.
Translucent; a nodular
pyramidal & conical
with some prominent.

частных учебных за-
ведений въ С. Петербургѣ и
Москвѣ. Высочайше из-

Hamus, susarob nat
nascebatur dicitur T. A. R.
Herminias dicitur T. D. C.
Formica C. C. T. T. T.
Kappa T. C. T. T. T. T. T.
est dicitur a C. C. T. T. T.

Hydrozoide & andere zool.
aus der "T. A. T. Schenkels"
in der Nähe von Hamburg
ausgest. 1890.

Собственно Его Величество
рукою написано Коронамислав:
«Необходимо составить особый
комитет, чтоб развѣпотрѣл,
правильно ли дѣйствуютъ цен-
сыра и издаваемые журналы
собираютъ ли данки каждаму

«прообразом Комитета Доклада
«Мне с доказательствами
«Еще найдется какия instances
«цензур и ее наказы»,
«то есть Министрства
«народных просвещения,
«и некоторыя Журналы и въ
«земь вышши изъ своей про-
«граммы.»

«Комитету состоитъ подл
«председатъ съестоватъ Генералъ
«адъютанта князь Абашкинъ,
«изъ Дайствительнаго тайнаго
«совѣтника Бутурлина, Гайда
«секретаря Барона Корфа,
«Генералъ-адъютанта графа
«Споровикова 1го, Генералъ М.
«тснато Дубовикъ и
«Статсъ-Секретаря Дельца»,
«Уведомитъ о семъ Колл.
«скажетъ и Генералъ-ауд.
«тама графа М.Евменова,
«а замѣтитъ Комитетъ
«накажъ немедленно.»

26го февраля 1848.

П.И. Дубовикъ.

профессоры Куртореа, Никитенко и Соловьев, и въ Москвѣ
профессоры Фришманъ и Алекс-
-сандръ люди благонимырен-
ные и достойные доверия.
Но при этомъ сыраетъ /

представима вниманию
другой предметъ: журна-
лы: «Современникъ» и «Оте-
чественныя Записки», изъ
которыхъ первый издате-
ся упомянутымъ профес-
соромъ Никитенкой, а вто-
рой Краевскимъ. Журна-
лы сии считаются у насъ
лучшими; многого перече-
савъ обширнѣйшій
кругъ читателей и сход-
ны между собой въ духъ
и направленіи. Послѣд-
нее происходитъ между
прочимъ отъ того, что въ

ности и их истинности» (XI, 22). Белинский писал далее, что герои Гоголя — не просто пошлые люди, а типические представители современного общества. Гоголю «дался не пошлый человек, а человек вообще; как он есть, не украшенный и не идеализированный». Такие гоголевские герои, как Хлестаков, Манилов, Собакевич, Коробочка — все они вовсе не внушают читателю понятия о их прирожденной порочности. «Манилов пошел до крайности, сладок до приторности, пуст и ограничен, но он не злой человек; его обманывают его люди, пользуясь его добродушием; он скорее их жертва, нежели они его жертвы». По мысли Белинского, все гоголевские герои являются в той или иной степени «жертвами» общественной среды. И величие Гоголя, с точки зрения Белинского, состояло в том, что он раскрывал связи человека со средой и показывал влияние этой среды, уродующей и извращающей человека.

Отражая нападения Самарина, Белинский опроверг утверждение своего противника, будто натуральная школа, изображавшая отрицательные типы, клеветает на действительность. Однако Белинский по цензурным условиям все же не мог в своей статье ответить на вопрос — почему же писатели натуральной школы ограничиваются изображением отрицательных типов и не рисуют положительных. Разъяснение этого важнейшего вопроса Белинский дал в цитированном письме к Кавелину от 7 декабря 1847 г. «Что хорошие люди есть везде, — писал Белинский, — об этом и говорить нечего, что их на Руси, по сущности народа русского, должно быть гораздо больше, нежели как думают сами славянофилы (т. е. истинно хороших людей, а не мелодраматических героев), и что, наконец, Русь есть по преимуществу страна крайностей и чудных, странных, непонятных исключений, — все это для меня аксиома, как $2 \times 2 = 4$. Но вот горе-то: литература все-таки не может пользоваться этими хорошими людьми, не входя в идеализацию, реторику и мелодраму... по той простой причине, что их не пропустит тогда цензурная таможня. А почему? Потому именно, что в них человеческое в прямом противоречии с тою общественною средою, в которой они живут. Мало того: хороший человек на Руси может быть иногда героем добра в полном смысле слова, но это не мешает ему быть с других сторон гоголевским лицом: честен и правдив, готов за правду на пытку, на колесо, но невежда, колотит жену, варвар с детьми и т. д. Это потому, что все хорошее в нем есть дар природы, есть чисто человеческое, которым он несколько не обязан ни воспитанию, ни преданию — словом, среде, в которой родился, живет и должен умереть...» («Письма», III, 310—311).

Следовательно, невозможность изображения положительных типов Белинский видел не только в цензурных условиях, но и в самом состоянии тогдашнего общества, которое уродовало человека и искажало в нем все человеческое. Совершенствование и улучшение человека могло быть достигнуто только преобразованием античеловеческой общественной среды, т. е. борьбой с тем строем, который поддерживал ее существование. Самая высокая и благородная задача литературы, по мысли Белинского, состояла в том, чтобы обличать отрицательные стороны жизни, критиковать общественные порядки и тем самым содействовать освободительной борьбе. В этом полагал Белинский силу и народность гоголевского творчества, а также тайну того успеха, который все больше и больше приобретала натуральная школа. Несмотря на яростные атаки охранителей и славянофилов, несмотря на переход самого Гоголя в лагерь реакции, преемственность между автором «Мертвых душ» и писателями натуральной школы оставалась неопровержимым фактом. Если Гоголь не смог подняться до правильного осознания общественно-исторического значения своего искусства, то писатели натуральной школы, продолжив его работу, повели уже сознательную борьбу с общественным злом и неправдой. Но

развитием и укреплением этой сознательности, установлением общественных задач художественного творчества натуральная школа всецело была обязана Белинскому.

VI

Последняя программная работа Белинского в «Современнике» — «Взгляд на русскую литературу 1847 года» — заключала в себе две статьи, напечатанные в первой (январской) и четвертой (апрельской) книжках журнала за 1848 г.

Первая статья появилась незадолго до начала цензурно-полицейского террора в связи с революционными событиями во Франции. Известия об этих событиях пришли в Россию 22 февраля, т. е. через полтора с небольшим месяца после выхода в свет январской книжки «Современника». Следует учитывать тот факт, что в подцензурной печати Белинский в последний раз мог касаться только тех вопросов, которые он уже ставил и обсуждал в своей статье. Смертельно больной, он завершал борьбу за натуральную школу, показывая историческое происхождение школы и разъясняя ее эстетическую программу.

Вторая статья Белинского печаталась в очень тяжелых цензурных условиях, наступивших после учреждения особого комитета для надзора над цензурой и печатью под председательством кн. Меншикова. Самое название «натуральная школа» в новых условиях стало запретным, а о тех вопросах, которые затрагивал Белинский всего лишь два месяца назад, не могло быть в печати и речи. И тем не менее, критический обзор наиболее замечательных литературных явлений 1847 г., составивший содержание второй статьи, Белинский сумел связать с руководящим для натуральной школы положением о значении сознательной мысли в искусстве.

В первой своей статье, подводя итоги борьбы за натуральную школу, Белинский определил ее значение, как единственно подлинного и далеко идущего русла русской литературы. Белинский утверждал, что «натуральная школа стоит теперь на первом плане русской литературы» и что «школы, неприятные натуральной, не в состоянии представить ни одного сколько-нибудь замечательного произведения» (XI, 83). Правомерность натуральной школы, служившей делу просвещения и прогресса, могла быть не только оправдана интересами современности, но и объяснена исторически. Белинский и показывал, что натуральная школа была подготовлена всем предшествующим развитием русской литературы.

Отражая обвинения врагов натуральной школы, Белинский давно боролся за Гоголя, как за великого поэта отрицания, и доказывал, что изображение современной действительности необходимо должно быть отрицательным. Правоту своих взглядов Белинский подтвердил теперь историческими аргументами. Отрицательное необходимо связано с комическим, сатирическим, а известно ведь, что история нашей литературы началась с сатиры: «первый светский писатель был сатирик Кантемир». Так протягивалась нить между литературными явлениями, разделенными целым столетием, — между Кантемиром и Гоголем.

«В баснях Хемницера и в комедиях Фонвизина отозвалось направление, представителем которого, по времени, был Кантемир. Сатира у них уже реже переходит в преувеличение и карикатуру, становится более натуральной, по мере того, как становится более поэтической. В баснях Крылова сатира делается вполне художественною; натурализм становится отличительною характеристическою чертою его поэзии. Это был первый великий натуралист в нашей поэзии. Зато он первый и подвергся упрекам за изображения «низкой природы», особенно за басню «Свинья». Посмотрите, как натуральны его животные: это настоящие люди, с резко очерчен-

ными характерами, и притом люди русские, а не другие какие-нибудь. А его басни, в которых действующие лица — русские мужички? Не есть ли это верх натуральности?» (XI, 85).

По мысли Белинского, развитие сатирического, комического направления, вершиной которого явился Гоголь, состояло в постепенном преодолении карикатурности и комизма, в возрастающем и все более глубоком охвате явлений действительности⁴⁰. Отсюда и тезис Белинского о Крылове, как о «первом великом натуралисте в нашей поэзии».

Сатирическое кантемировское направление в русской литературе развивалось параллельно с направлением «реторическим» — ломоносовским; вначале оно даже уступало ему первенство, но потом оба эти направления, сливавшиеся у Державина, объединились, наконец, в творчестве Пушкина. «...В „Евгении Онегине“ идеалы еще более уступили место действительности или, по крайней мере, то и другое до того слилось во что-то новое, среднее между тем и другим, что поэма эта должна по справедливости считаться произведением, положившим начало поэзии нашего времени. Тут же натуральность является не как сатира, не как комизм, а как верное воспроизведение действительности, со всем ее добром и злом, со всеми ее житейскими дрызгами» (XI, 86). Так поэзия действительности, основоположником которой был Пушкин, закономерно включала в себя и изображение отрицательного и низкого.

Сила Пушкина состояла, однако, в показе не отрицательных, а, напротив, «положительно-прекрасных явлений жизни», как об этом еще раньше писал Белинский. Иное дело Гоголь с его пафосом отрицания. «Он <Гоголь> ничего не смягчает, не украшает, вследствие любви к идеалам или каких-нибудь заранее принятых идей, или привычных пристрастий, как, например, Пушкин в „Онегине“ идеализировал помещицкий быт. Конечно, преобладающий характер его сочинений — отрицание; всякое отрицание, чтоб быть живым и поэтическим, должно делаться во имя идеала, — и этот идеал у Гоголя также не свой, т. е. не туземный, как и у всех других русских поэтов, потому что наша общественная жизнь еще не сложилась и не установилась, чтобы могла дать литературе этот идеал» (XI, 89).

В подходе к проблеме идеала Белинский оставался верен себе до конца. Он полагал, что у нас «общественная жизнь еще не сложилась» и что поэтому идеал еще не мог быть отражением уже определившихся человеческих отношений. Решительно отвергая возможность воплощения идеала в конкретные типы, поскольку такой взгляд открывал бы путь для примирения с существующей действительностью, Белинский требовал, чтобы идеал раскрывался в соотношении типов, как определенная тенденция художника. Опять-таки по поводу сочинений Гоголя Белинский писал, что «тут все дело в типах, а идеал тут понимается не как украшение (следовательно, ложь), а как отношения, в которые становится друг другу автор созданные типы, сообразно с мыслью, которую он хочет развить своим произведением» (XI, 89).

Великий писатель, по Белинскому, сам являлся носителем идеала, носителем будущей действительности. От низменного и отрицательного к положительному и прекрасному в его конкретных формах литература могла перейти лишь на последующих стадиях общественного развития. В настоящем же — раскрытие и обличение отрицательного составляло главную задачу, стоявшую перед натуральной школой. Сила и жизненность натуральной школы заключалась в том, что, пойдя от Гоголя, она расширила и углубила гуманистические и демократические тенденции его творчества. Предметом изображения для писателей натуральной школы стали не только помещики и чиновники, как это было у Гоголя, но обыкновенные люди разных общественных слоев, в том числе и крестьяне.

«Природа — вечный образец искусства, а величайший и благороднейший предмет в природе — человек. А разве мужик — не человек?» (XI, 95) — спрашивал Белинский и с несокрушимой последовательностью развивал выдвинутое им еще в полемике вокруг «Физиологии Петербурга» демократическое понимание человека. О противниках натуральной школы Белинский отзывался как о читателях, «которые по чувству аристократизма не любят встречаться даже в книгах с людьми низших классов, не любят нищеты и грязи, по их противоположности с роскошными салонами и кабинетами». Голос революционного демократа и защитника народных интересов слышится в саркастических словах Белинского, обращенных к противникам натуральной школы: «Так, милый, добрый сибарит, для твоего спокойствия и книги должны лгать, и бедный забывать свое горе, голодный свой голод, стоны страдания должны долетать до тебя музыкальными звуками, чтобы не испортился твой аппетит, не нарушился твой сон...» (XI, 93).

Если историческая миссия литературы состояла в ее связи с основным вопросом времени — вопросом социальным, если «поэт должен выражать не частное и случайное, но общее и необходимое, которое дает колорит и смысл всей его эпохе», — тогда мысль о так называемом «чистом», независимом от жизни искусстве, естественно, должна быть признана реакционной и ложной.

Разбирая возможные доводы защитников «чистого» искусства, Белинский уже не ставил вопроса, занимавшего его с начала 40-х годов о совместимости художественного творчества с общественной тенденцией. Этот вопрос давно был решен для него положительно и окончательно. «Отнимать у искусства право служить общественным интересам — значит не возвышать, а унижать его, потому что это значит — лишать его самой живой силы, т. е. мысли, делать его предметом какого-то сибаритского наслаждения, игрушкой праздных ленивцев. Это значит даже убивать его...» (XI, 104).

Белинский не забывал подчеркивать специфические средства искусства, которые не могли быть заменены средствами науки: наука «д о к а з ы в а е т», искусство «п о к а з ы в а е т» и «оба у б е ж д а ю т». Однако важнейшим условием искусства наряду с художественностью должна быть общественная тенденция. Только искусство, проникнутое этой тенденцией, с точки зрения Белинского, может выполнить свое истинное назначение.

Вопрос о роли тенденции в искусстве Белинский ставил и решал с исключительным тактом и глубиной. Это был ведь все тот же издавна волновавший его вопрос о соотношении стихийности и сознательности, имевший решающее значение в развитии натуральной школы. К этому вопросу необходимо было возвращаться в новой обстановке, когда перед глазами был пример Гоголя, который оставался великим до тех пор, пока не осознал своего искусства и который «споткнулся, да еще как», став на путь рассуждений и философии (XI, 100). Белинский знал и других больших поэтов, которые, «увлекаясь решением общественных вопросов», создавали слабые в художественном отношении вещи, «несколько не соответствующие их таланту». Таковы были, например, некоторые произведения Жорж-Занд, в которых роман «смешался со сказкою, натуральное заслонилось неестественным, поэзия смешалась с реторикою» (XI, 101).

Вряд ли справедливо и верно, когда упрекают Белинского в том, что он до самого своего конца будто бы «не мог изжить недооценку сознательного творческого процесса», что и «на высшей ступени своего развития определяющим началом литературы» он якобы признавал «тенденцию смутную, инстинктивную, а не сознательную»⁴¹. Именно за сознательную тенденцию, за необходимость внесения в литературу передовых обществен-

знаменитых писателей наших
и вообще предметов, къ которымъ
благосклонные люди питають ува-
жение, и готовы журналы, «Сове-
ренникъ» и «Отечественныя за-
писки», особенно статьи Белинска-
го, были, прежде отпечатания,
подвергались наистрожайшему
просмотру Цензоровъ.

Воподобный же докладывая
о сему Вашему Император-
скому Высочеству, осплива-
ясь испрашивать, не соизвеси-
тели разрешить мнѣ сообщать
всѣмъ дозволеннымъ соображениямъ
и мнѣніе мое Министру На-
роднаго Просвѣщенія —

Генералъ-Адъютантъ Гр. В. В. В. В.

Всѣмъ Императорскимъ Адъютантамъ
" 23 " Февраля 1848 года.

«ВСЕПОДАДАННЕЙШИЙ ДОКЛАДЪ» А. Ф. ОРЛОВА ОТ 23 ФЕВРАЛЯ 1848 Г. О ЖУРНАЛАХ
«СОВРЕМЕННОЕ» И «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ»

Листъ послѣдній с предложениемъ установить «наистрожайшій» предварительный просмотръ всехъ
помещаемыхъ въ «Современникѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ» статей, въ особенности же статей
Белинскаго

Центральный Исторический архив, Москва

ных взглядов боролся Белинский. Вместе с тем, он же предостерегал от навязывания писателю «направления», от искусственного, не органического, усвоения общественной тенденции. Борьба за передовое мировоззрение, за сознательную мысль в литературе для Белинского была вместе с тем и борьбой за подлинную свободу художественного творчества. Вот почему Белинский так же восставал против искусства дидактического, холодного и мертвого, как восставал он против «чистого» искусства. «Идея вычитанная или услышанная и, пожалуй, понятая, как должно, но не проведенная через собственную натуру, не получившая отпечатка вашей личности, есть мертвый капитал не только для поэтической, но и всякой литературной деятельности. Как ни списывайте с натуры, как ни одобряйте ваших списков готовыми идеями и благонамеренными „тенденциями“, но если у вас нет поэтического таланта,— списки ваши никому не напомнят своих оригиналов, а идеи и направления останутся общими риторическими местами» (XI, 105—106). Из этих слов Белинского видно, насколько неосновательны и ложны были обвинения, предъявлявшиеся ему противниками натуральной школы, будто он, ниспровергая истинное искусство, проповедует искусство дидактическое и поучительное. Эстетические принципы натуральной школы в такой же мере не имели ничего общего с дидактическим искусством, в какой они были чужды и враждебны «чистому» искусству.

Как уже отмечено выше, Белинский в последний раз имел возможность развернуть в печати свое обоснование натуральной школы. Деятельность Белинского давно уже привлекала внимание органов полицейского надзора, а после революционных событий во Франции внимание к нему особенно усилилось. 27 февраля 1848 г. шеф жандармов гр. А. Ф. Орлов представил «всепоподаннейшую записку» об «особенном характере новой нашей журналистики», причем Белинскому и натуральной школе отводилось в записке центральное место. «Участвуя прежде в московских журналах, потом в „Отечеств. Записках“, а ныне в „Современнике“, Белинский,— доносил Орлов,— всегда отличался от других критиков грубым тоном и резкостью своих суждений. Он не признает никаких достоинств ни в Ломоносове, ни в Державине, ни в Карамзине, ни в Жуковском, ни во всех прочих литераторах, восхищается произведениями одного Гоголя, которого писатели натуральной школы считают своим главою, и одобряют только тех писателей, которые подражают Гоголю. Белинский столь громко и столь настоятельно провозглашал свои мнения, что ныне почти все молодые писатели наши считают за ничто всякую старую знаменитость в нашей литературе». Далее писателям натуральной школы ставилось в вину, что «они хвалят только те сочинения, в которых описываются пьяницы, развратники, порочные и отвратительные люди, и сами пишут в этом же роде», а отсюда «в народе, сверх уничтожения чистого вкуса, могут усилиться дурные привычки и даже дурные мысли». В конце концов, гр. Орлов предлагал «усилить строгость цензурного устава», а «Отечественные записки» и «Современник», особенно статьи Белинского, подвергать наистрожайшему просмотру цензоров⁴².

Белинский всю жизнь страдал от цензуры, которая резала и калечила его статьи, но он все же не предвидел, конечно, до каких пределов могло дойти преследование печатного слова. После революционных событий во Франции, объектом гонений со стороны цензуры оказалась вся натуральная школа.

Во второй статье своего «Взгляда на русскую литературу 1847 года» Белинский не только лишился возможности продолжить борьбу за натуральную школу, но он не мог упоминать даже самое ее название. При всем том, весь его обзор был посвящен произведениям именно этой школы. Белинский разбирал романы Искандера (Герцена) и Гончарова, повести и

рассказы Тургенева, Григоровича, Даля, Дружинина и других. Большую часть статьи он посвятил сравнительному разбору романа Искандера «Кто виноват?» и «Обыкновенной истории» Гончарова. Особенность этого замечательного разбора состояла в том, что Белинский на конкретном материале как бы иллюстрировал тезисы своей предшествующей статьи о значении и роли «вполне осознанной и развитой мысли» в художественном творчестве. Если вся сила Искандера была в сознательной мысли, одушевляющей его роман, — Гончаров, напротив, представлял собою тип писателя, не осознающего своего искусства. Своеобразием дарований каждого из них Белинский объяснял достоинства и недостатки обоих романов.

Характеризуя Искандера, Белинский писал: «Главная сила его не в творчестве, не в художественности, а в мысли, глубоко прочувствованной, вполне сознанный и развитой. Могущество этой мысли — главная сила его таланта; художественная манера схватывать верно явления действительности — второстепенная вспомогательная сила его таланта» (XI, 111). Достоинства «Кто виноват?» заключались в мысли, — в том пафосе гуманности, которым был проникнут роман. Но с образами Круциферской и Бельтова Искандер не справился, а вся история их трагической любви, по оценке Белинского, «рассказана умно, очень умно, даже ловко, но зато уж несколько не художественно». Белинский добавлял при этом, что «мысль спасла и вынесла автора: умом он верно понял положение своих героев, но передал его только как умный человек, хорошо понявший дело, но не как поэт». Обратил внимание Белинский еще и на то, что во второй части романа характер Бельтова произвольно изменен автором: «...это уже не Бельтов, а что-то вроде Печорина» (XI, 114—115).

Белинский отмечал и некоторые другие недостатки в романе, но все эти недостатки, равно как и достоинства романа, объяснялись своеобразием дарования Искандера: автор был больше философом, «и только немножко поэтом» (XI, 119).

Совершенную противоположность с Искандером составлял Гончаров. «Все нынешние писатели имеют нечто кроме таланта, — писал Белинский, — и это-то нечто важнее самого таланта и составляет его силу; у г. Гончарова нет ничего, кроме таланта: он больше, чем кто-нибудь теперь поэт-художник» (XI, 119). В письме к В. П. Боткину 17 марта 1847 г. Белинский выразился еще точнее: «У Гончарова нет и признаков труда, работы; читая его, думаешь, что не читаешь, а слушаешь мастерской изустный рассказ». И здесь же Белинский добавлял о том, какую пользу принесет «Обыкновенная история» обществу: «Какой она страшный удар романтизму, мечтательности, сентиментальности, провинциализму» («Письма», III, 199)⁴³.

Разбирая «Обыкновенную историю», Белинский показывал не только ее достоинства, но и недостатки, обусловленные, по его мнению, стремлением автора стать на чуждую ему почву. «Придуманная автором развязка романа портит впечатление всего этого прекрасного произведения, потому что она неестественна и ложна. В эпилоге хороши только Петр Иванович и Лизавета Александровна до самого конца; в отношении же к герою романа, эпилог хоть не читать...» Белинский объяснял «странную ошибку» Гончарова тем, что он «увлекся желанием попробовать свои силы на чуждой ему почве — на почве сознательной мысли — и перестал быть поэтом». Сравнивая Искандера с Гончаровым, Белинский заключал, что Искандер «и в сфере чуждой для его таланта действительности умел выпутаться из своего положения силою мысли; автор „Обыкновенной истории“ впал в важную ошибку именно оттого, что оставил на минуту руководство непосредственного таланта» (XI, 135).

Так в конкретной критической практике Белинский осуществлял свое требование общественной тенденции и сознательной мысли. Мы видим, что это требование отнюдь не являлось для Белинского догмой: оно связано было с точным учетом своеобразия писательских дарований, оно росло из глубокого понимания диалектики художественного творчества.

Существует мнение, что Белинский «не определил в достаточной степени ни объема, ни истинного характера таланта Тургенева, несмотря на то, что внимательно следил за развитием его литературной деятельности»⁴⁴. Стаким мнением никак невозможно согласиться.

Основная мысль итоговой характеристики, которую дал Белинский Тургеневу, заключается в том, что, начиная с ранних стихотворений и повм, Тургенев искал своего пути в литературе и нашел его, наконец, в «Записках охотника». В «Хоре и Калиныче», по определению Белинского, талант Тургенева «обозначился вполне». Белинский отметил, что в этой «маленькой пьеске» «автор зашел к народу с такой стороны, с какой до него к нему никто еще не заходил» (XI, 138). Признав «Хоря и Калиныча» «лучшим из всех рассказов охотника», Белинский вслед за ним поставил «Бурмистра», а после него «Однودворца Овсянникова» и «Контору». Нужно вспомнить, что все эти вещи писались Тургеневым в период его близости с Белинским, а «Бурмистр» и «Контора», в ряду других очерков из «Записок охотника», содержали в себе наиболее резкие выпады против крепостничества. Показательно, что дата и место написания «Бурмистра» (Зальцбрунн в Силезии, июль 1847 г.) совпадают с датой и местом написания знаменитого письма Белинского к Гоголю (15 июля 1847 г.): именно в этом очерке особенно ясно влияние Белинского⁴⁵.

Известно, что к некоторым очеркам Тургенева, таким, как «Малиновая вода», «Лебедянь», «Уездный лекарь», Белинский остался холоден; сочувственнее он отзывался об очерках «Татьяна Борисовна и ее племянник» («Богатая вещь—фигура Татьяны Борисовны»), «Бирюк» и «Смерть», а также о повести «Петр Петрович Каратаев», назвав эту повесть «мастерским физиологическим очерком», в котором «талант автора выказался с такою же полнотою, как и в лучших из рассказов охотника» (XI, 138).

«Найти свою дорогу, узнать свое место,— писал Белинский Тургеневу 19 февраля 1847 г.,— в этом все для человека, это для него значит сделаться самим собою. Если не ошибаюсь, ваше призвание — наблюдать действительные явления и передавать их, пропуская через фантазию; но не опираться только на фантазию». И Белинский выражал уверенность, что не только «Хорь и Калиныч», но и «Русак» (первоначальное название рассказа «Петр Петрович Каратаев») обещают в Тургеневе «замечательного писателя в будущем». В печатном отзыве о Тургеневе Белинский развил свою мысль об особенностях его писательского дарования, которую он высказал в письме. «Главная характеристическая черта его <Тургенева> таланта заключается в том,— писал Белинский,— что ему едва ли бы удалось создать верно такой характер, подобного которому он не встретил в действительности. Он всегда должен держаться почвы действительности. Для такого рода искусства ему даны от природы богатые средства: дар наблюдательности, способность верно и быстро понять и оценить всякое явление, инстинктом разгадать его причины и следствия и таким образом догадкою и соображением дополнить необходимый ему запас сведений, когда расспросы мало объясняют» (XI, 137—138).

Белинский прекрасно знал о том, что Тургенев внимательно следил за народными рассказами и очерками Даля, и он справедливо отметил несомненное родство с этими очерками «Записок охотника». От Белинского не укрылось «необыкновенное мастерство Тургенева изображать

картины русской природы»; эту сторону дарования автора «Записок охотника» Белинский также пронизательно подчеркнул, указав, что «его картины всегда верны, вы всегда узнаете в них нашу родную, русскую природу» (XI, 138).

Много аналогий с талантом Даля Белинский нашел и у Григоровича, который «посвятил свой талант исключительно изображению низших классов народа» и который также «постоянно держался на почве хорошо известной и изученной им действительности». Тургенев в своих воспоминаниях о Белинском рассказывает, что когда появилась «Деревня» Григоровича, Белинский «не только нашел ее весьма замечательной, но немедленно определил ее значение и предсказал то движение, тот поворот, которые вскоре потом произошли в нашей словесности»⁴⁶.

О «Деревне» Белинский высказался очень сочувственно еще в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года». Именно на эту повесть обрушился потом Ю. Самарин в «Москвитянине», Белинскому же в полемике с ним пришлось энергично отстаивать право писателя изображать дикость и зверство в семейных отношениях русской деревни.

По цензурным условиям Белинский не мог охарактеризовать общественные тенденции произведений Григоровича, как не мог он ничего сказать об антикрепостническом содержании тургеневского «Бурмистра». По поводу новой повести Григоровича «Антон Горемыка» Белинскому пришлось ограничиться в статье общими и неопределенными словами («это повесть трогательная, по прочтении которой в голову невольно теснятся мысли грустные и важные»); только в письме к Боткину в декабре 1847 г. Белинский точно сформулировал свое впечатление от этой «удивительной» повести. «Ни одна русская повесть, — писал он, — не производила на меня такого страшного, гнетущего, мучительного, удручающего впечатления: читая ее, мне казалось, что я в конюшне, где благонамеренный помещик порет и истязует целую вотчину — законное наследие его благородных предков» («Письма», III, 324—325).

Когда мы рассматриваем взаимоотношения Белинского с писателями натуральной школы, следует, конечно, иметь в виду, что писатели, составлявшие эту школу, не только по степени своего дарования, но также и в идеологическом отношении были чрезвычайно различны. Далеко не все эти писатели могли усвоить те требования, которые предъявлял им Белинский. Так, Достоевский, выступив в своем первом романе как представитель гуманистического направления новой школы, вскоре принципиально и резко разошелся с Белинским. Не могли полностью осуществить заветов Белинского и такие писатели, как Тургенев и Гончаров.

Сам Белинский отдавал себе отчет в том, что могли быть писатели, не способные осознать цели своего творчества; могли быть иные, — осознававшие его неправильно и ложно; наконец могли быть такие, своеобразие которых состояло в органическом слиянии искусства и передовой сознательной мысли. К их числу относился прежде всего Некрасов. Из всех писателей натуральной школы Некрасов наиболее последовательно осуществлял требования Белинского. Недаром в письме к Кавелину 7 декабря 1847 г. Белинский писал о Некрасове: «его теперешние стихотворения тем выше, что он, при своем замечательном таланте, внес в них и мысль сознательную и лучшую часть самого себя» («Письма», III, 306)⁴⁷.

Следуя заветам Белинского, Некрасов создал поэзию, в которой не только сошлись все основные нити предшествующего ее развития, начиная от Пушкина, но которая ознаменовала собой новую эпоху в истории русской литературы. Вместе с тем, через Некрасова была осуществлена преемственность между Белинским и революционными демократами 60-х годов — Чернышевским и Добролюбовым.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ Вал. М а й н о в. Критические опыты. СПб., 1891, стр. 329.
- ² «Северная пчела», 1846, № 262, 19 ноября.
- ³ Там же, № 265, 23 ноября.—Диалог Булгарина с Зотовым процитирован (не совсем точно) в статье: И. И. И о ф ф е. «Мертвые души» и русский реализм.—«Ученые записки Ленинградского гос. университета». Вып. 87. Серия гуман. наук. Саратов, 1943, стр. 186—187.
- ⁴ «Северная пчела», 1845, № 79, 7 апреля; ср. №№ 234, 235 и 236 от 17, 18 и 19 октября.
- ⁵ «Москвитянин», 1845, №№ 5 и 6 (май — июнь), Смесь, стр. 91—96. Рецензия — без подписи, но о принадлежности ее К. С. Аксакову достаточно прозрачно писал Белинский.
- ⁶ «Северная пчела», 1845, № 79, 7 апреля.
- ⁷ Там же, №№ 234, 235 и 236 от 17, 18 и 19 октября.
- ⁸ Там же, № 243, 27 октября.
- ⁹ «Русский инвалид», 1845, № 89, 25 апреля, стр. 353—355.
- ¹⁰ «Иллюстрация», 1846, т. II, № 4, 26 января, стр. 59.
- ¹¹ Рецензия Ап. Григорьева до сих пор оставалась не известной биографам критика; ср. Полн. собр. соч. и писем Ап. Григорьева. Под ред. В. С. Спиридонова. Т. I. П., 1918 (биографическая статья В. С. Спиридонова). Не учтена рецензия Ап. Григорьева и в специальной литературе по Достоевскому. Текст рецензии с детальным обоснованием принадлежности ее Ап. Григорьеву см. в моей статье по этому поводу в сборнике (Л., 1948) в честь проф. В. А. Десницкого (к 70-летию его рождения).
- ¹² «Библиотека для чтения», 1846, т. 75, март — апрель, «Критика», статья первая и вторая, стр. 13—36 и 37—54; «Москвитянин», 1846, № 2, стр. 163—191 и № 3, стр. 176—188; «Финский вестник», 1846, т. IX, отд. V, стр. 21—34. Ср. В. В. В и н о г р а д о в. Эволюция русского натурализма. Л., 1929. (Статьи о «Бедных людях» и «Двойнике».)
- ¹³ «Москвитянин», 1846, № 2, стр. 185—186.
- ¹⁴ Там же, стр. 172.
- ¹⁵ «Московский литературный и ученый сборник на 1847 г.», М., 1847, Отдел критики, стр. 25—44 (за подписью «Имрек»).
- ¹⁶ «Москвитянин», 1846, № 2, стр. 173—174.
- ¹⁷ «Финский вестник», 1846, т. IX, отд. V, стр. 29—30.—О существовании печатных суждений Ап. Григорьева по поводу «Бедных людей» и «Двойника» совершенно не подовергает В. Я. Кирпотин — см. его кн.: «Молодой Достоевский». М., 1947, стр. 248.
- ¹⁸ «Финский вестник», 1846, т. VII, отд. V, стр. 7—8 (рецензия на первую книжку «Петербургских вершин» Я. Буткова).
- ¹⁹ Там же, 1846, т. VIII, отд. V, стр. 19.
- ²⁰ «Московский литературный и ученый сборник на 1846 г.», М., 1846, стр. 145—198.
- ²¹ Пользуюсь характеристикой В. Майнова, сделанной в работе покойного В. Л. Комаровича «Юность Достоевского». — «Былое», 1924, № 23, стр. 20—23.
- ²² Вал. М а й н о в. Критические опыты. СПб., 1891, стр. 62—68.
- ²³ Там же, стр. 389.
- ²⁴ Там же, стр. 5.
- ²⁵ Там же, стр. 114—115.
- ²⁶ Там же, стр. 325—327 («Нечто о русской литературе в 1846 году»).
- ²⁷ В. И. Л е н и н. Сочинения, 3-ье изд., т. II, стр. 331.
- ²⁸ «Санктпетербургские ведомости», 1847, № 4, 5 января.
- ²⁹ «Северная пчела», 1847, № 8, 11 января.
- ³⁰ «Обозрение журнальных явлений за январь и февраль». — «Московский городской листок», 1847, № 51, 4 марта.
- ³¹ Там же, № 52, 5 марта.
- ³² «Обозрение журналов за март 1847 г.» — «Московский городской листок», 1847, № 66, 28 марта.
- ³³ «Северная пчела», 1847, № 81, 12 апреля; ср. фельетон в № 69, 29 марта.
- ³⁴ В. Е в г е н ь е в - М а к с и м о в. «Современник» в 40—50 гг., Л., 1934, стр. 73.
- ³⁵ «Гоголь и его последняя книга». — «Московский городской листок», 1847, № 56, 10 марта.
- ³⁶ Там же, 1847, № 62, 17 марта. Ср. три письма Ап. Григорьева Гоголю конца 1848 г. — «А. А. Григорьев. Материалы для биографии». Под ред. Вл. Княжнина. П., 1917, стр. 110—119.
- ³⁷ «Обозрение журналов за март 1847 г.» — «Московский городской листок», 1847, № 68, 31 марта. — Резко отрицательная оценка Ал. Дюма, по поводу которой возражал Григорьев, дана была Белинским в его статье о романе Евг. Сю «Тереза Дюной» (X, 477—478). В своем отзыве Белинский коснулся не только творчества Дюма, но и отрицательно квалифицировал его поведение на судебном процессе, который шел в Париже в течение января и февраля 1847 г. и на шумел на всю Европу. На обвинения в нарушении договоров с издателями А. Дюма с необыкновенной развязностью

отвечал на суде, что все сорок членов Французской Академии вместе не написали бы столько, сколько написал он. «О, великий господин Александр Дюма, о, достойный герой, о, любимое балованное дитя нашего века! — писал Белинский, — что-то еще наплетишь и напутаешь ты нам в своем романе, когда, вдохновленный штрафами, которые принужден будешь заплатить по приговору суда, или — чего, вероятно, с тобою не будет — воспользовавшись уединением тюрьмы (которой бы ты, право, стоил!), — примешься ты вновь продолжать интересные похождения своего интересного и достойного галер героя?» (X, 478). Именно эти строки Белинского с возмущением цитировал А. Григорьев в своем обзоре.

³⁸ «Москвитянин», 1847, № 2, стр. 193—194.

³⁹ Там же, стр. 194—195, 197, 201.

⁴⁰ См. замечания по этому поводу в названной выше (прим. 3) статье И. И. Иоффе, стр. 189.

⁴¹ А. Л а в р е ц к и й. Белинский, Чернышевский и Добролюбов в борьбе за реализм. М., 1941, стр. 70—71.

⁴² Мих. Л е м к е. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. Изд. 2-е. СПб., стр. 175—177.

⁴³ О влиянии идей Белинского на художественное творчество Гончарова см. в статье: Н. К. П и к с а н о в. Белинский в борьбе за Гончарова. — Ученые записки Ленинградского гос. университета. Вып. 11. Серия филол. наук. Л., 1941, стр. 57—87.

⁴⁴ См. комментарии В. С. Спиридонова к «Избранным философским сочинениям» Белинского (М., 1941, стр. 534).

⁴⁵ Ю. Г. О к с м а н. Тургенев. Исследования и материалы. Вып. 1. Одесса, 1921, стр. 6. — Ср. статью: Н. Л. Б р о д с к и й. Белинский и Тургенев. — Сб. «Венок Белинскому». Под ред. Н. К. Пиксанова. М., 1924, стр. 120—129.

⁴⁶ «Белинский в воспоминаниях современников». Собрал М. К. Клеман. Л., 1929, стр. 220.

⁴⁷ Сводку данных о взаимоотношениях Некрасова и Белинского см. в кн.: В. Е. Е в г е н ь е в - М а к с и м о в. Некрасов и его современники. М., 1930, стр. 44—98.